

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ
ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГВАРДІИ ПОРУЧИКА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

№№ 13, 14, 15 и 16.

Съ приложеніемъ двухъ листовъ портретовъ и четырехъ
рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ТУРКМЕНІЯ И ТУРКМЕНЫ.

ГЛАВА I.

Границы Туркменіи.—Берега ея.—Раздѣленіе Туркменіи.—Западная часть.—
 Возвышенности: Усть-Уртъ и Чинкъ.—Узбой.—Балханскія горы.—Кюренъ-дагъ.
 —Тенинскій оазисъ.—Мѣстность между рр. Атрекомъ и Сумбаромъ.—р. Атрекъ.—р. Сумбаръ.—Мѣстность къ югу отъ Атрена.—Восточная часть.—р. Герирудъ.—р. Мурхабъ.—Пути сообщенія черезъ Туркменскія земли.—Путь изъ
 Красноводска.—Путь изъ Чегизшяра.

Обширное пространство, ограниченное съ запада Каспійскимъ моремъ, съ юга персидскими и афганскими, съ сѣверо-востока бухарскими и хивинскими владѣніями и съ сѣвера Мангишлакскимъ полуостровомъ, представляетъ собою площадь около 9,000 квадратныхъ миль съ туркменскимъ населеніемъ около 1.000,000 душъ. Площадь эта называется *Туркменією*, или *Туркменскою степью*, а часть ея, прилегающая къ Каспійскому морю, известна подъ именемъ *Закаспійскаго края*.

Общее протяженіе береговой линіи (до границы съ Астрабадскою провинціею), отъ устья Карасу, на югъ, до сѣверныхъ предѣловъ мангишлакскаго приставства на сѣверъ, составляетъ около 2,000 верстъ. Сѣверная часть этой линіи есть заливъ *Кайдакъ*. Вдоль всего восточнаго берега этого залива идетъ крутой обрывъ

Усть-Урта (*Гинкъ*), оставляющій до моря узкую полосу земли въ нѣсколько верстъ. Затѣмъ слѣдуетъ низменный, песчаный, солонцовый и мѣстами покрытый камышомъ, берегъ полуострова *Бузачи* до высокаго мыса *Тюкь-Карагана*. Отъ этого послѣдняго берегъ поворачивается къ югу и до залива *Карабугазскаго* состоитъ изъ известковыхъ скалъ (*Чинкъ*), почти вплоть подходящихъ къ морю. Эти скалы, постепенно понижаясь къ югу, переходятъ въ песчаную степь, наполненную статками соляныхъ озеръ. Исключеніе составляетъ сѣверный берегъ *Балханскаго* залива, который скалистъ и высокъ.

Самая южная часть каспійскаго побережья, къ рѣкамъ Атреку и Гюргену, представляетъ низменную мѣстность, поросшую камышомъ.

Вся сѣверная часть Каспійскаго моря близъ заливовъ *Кайдакъ* и *Бузачи* неудобна для мореходства. Большія суда по мелководью должны останавливаться за 40—50 верстъ отъ берега и начинать высадку на лодкахъ, челнахъ и затѣмъ пѣшкомъ.

Отъ мыса *Тюкь-Карагана*, до самаго Балханскаго залива море достаточно глубоко. Лучшія якорныя стоянки находятся въ бухтѣ *Александровской* (*Александробай*) и заливахъ *Киндерлинскомъ*, *Балханскомъ* и *Михайловскомъ*. Заливъ *Гассанъ-Кули*, принимающій рѣку Атрекъ, имѣетъ глубины всего три фута и заросъ камышомъ.

Изъ острововъ на Каспійскомъ морѣ наиболѣе замѣчательны *Челекенъ* и *Огурчинскій*, лежащіе южнѣе залива Балханскаго. Острова эти безплодны, имѣютъ воду только въ колодцахъ, но и то преимущественно

соленую; но Челекенъ важенъ своимъ богатствомъ нефти, число источниковъ которой опредѣляется до 3,000.

Туркменія раздѣляется на двѣ рѣзко отличающіяся, одна отъ другой, части: *западную и восточную*.

Первая изъ нихъ, кромѣ обширныхъ пустынныхъ пространствъ, солончаковыхъ и песчаныхъ, заключаетъ въ себѣ значительныя возвышенности, какъ *Усть-Уртъ*, *Балханскія* и *Кюрендагскія* горы. Въ этой же части лежитъ старое русло рѣки Аму-Дарьи, — такъ называемый *Узбой*.

Въ восточной части Туркменіи, песчаныя пространства, тянущіяся непрерывно на сотни верстъ, имѣютъ только по нѣсколькимъ путямъ рѣдкіе колодцы, отдѣленные одинъ отъ другаго на 50 и болѣе верстъ. Единственный обширный и воздѣланный оазисъ этой пустыни составляетъ *Мервъ*, населенный наиболѣе хищными туркменами.

Въ сѣверной части Закаспійскаго края, пространство между морями Каспійскимъ и Аральскимъ составляетъ плоскую возвышенную мѣстность — *Усть-Уртъ*, наибольшія превышенія котораго надъ уровнемъ моря не превосходятъ 700 футовъ. Въ сѣверо-западной части *Усть-Урта*, на полуостровѣ *Мангишлагъ*, на протяженіи 120 верстъ тянутся два небольшихъ хребта: *Акъ-тау* и *Кара-тау*, высотой до 2,500 футовъ.

Долины въ этихъ горахъ изобилуютъ водою, кормовыми травами и даютъ населенію мангишлагскаго полуострова (киргизамъ) главное пропитаніе для стадъ. Кромѣ того, въ горахъ *Кара-тау* найдены залежи каменнаго угля. *Усть-Уртъ* представляетъ обширную равнину съ твердо-глинистой, хрящеватой, или известковою почвою.

На этой равнинѣ попадаются солонцы, пески, грязи, соленыя озера. Воды на *Усть-Уртѣ* мало, и она держится въ глубокихъ, до 30 сажень, колодцахъ и часто горька на вкусъ. *Усть-Уртъ* съ востока, запада и юга ограничивается крутымъ обрывомъ, называемымъ *Чинкомъ*, съ котораго имѣется только нѣсколько спусковъ.

Чинкъ составляетъ рѣзкую черту между возвышеннымъ глинисто-известковымъ *Усть-Уртомъ* и низменнымъ пространствомъ къ югу отъ него, состоящимъ изъ песковъ и солонцовъ. Кромѣ того, *Чинкъ* составляетъ отчасти границу между киргизами и туркменами. Первые не сходятъ съ *Чинка* къ югу; но туркмены поднимаются, хотя и не въ значительномъ числѣ, и на сѣверъ отъ него. На значительномъ протяженіи, *Чинкъ* проходитъ по берегу *Узбоя* — стараго русла р. Аму-Дарьи.

По преданіямъ, рѣка Аму-Дарья еще въ XIII столѣтіи вливалась въ Каспійское море и затѣмъ искусственно, при помощи плотинъ, отведена была въ Аральское море. Весьма рѣзко обозначенное, старое русло только мѣстами теряется. Начало русла находится между городами *Кипчакомъ* и *Ходжейли*, а устье у залива *Балханскаго*. Общее протяженіе его до 800 верстъ. Собственно *Узбосмъ* называютъ часть русла отъ озеръ *Сарыкамышскихъ* къ Каспію; часть же стараго русла отъ г. *Ходжейли* до *Сарыкамыша* называютъ *Урунъ-Даргю* или *Куля-Даргю*.

По произведеннымъ измѣреніямъ, начало стараго русла превышаетъ низовья его на 400 слишкомъ футовъ. Это превышеніе даетъ основаніе предполагать, что если-бы воду Аму-Дарьи направить по старому руслу,

то она и нынѣ могла-бы дойти до Каспійскаго моря. Съ поворотомъ водъ Аму-Дарьи въ Каспійское море, приобретаетъ непрерывный водный путь отъ Афганистана до устьевъ Волги.

По Узбою, ширина котораго измѣняется отъ 100 саж. до 3-хъ верстѣ, мѣстами попадаютъ плесы соленой воды, длиною по нѣскольку верстѣ, камышъ, можжевельныя деревья и трава. Колодцы по Узбою довольно многочисленны, но не все содержатъ хорошую воду.

Мѣстами въ колодцахъ встрѣчается значительное количество воды, даже въ жаркое время года. Въ такихъ мѣстахъ дно Узбоя, а отчасти и берега его представляютъ рядъ небольшихъ оазисовъ, въ которыхъ водятся кабаны, дикіе гуси и утки.

Эти оазисы покрыты травами, служащими для откармливанія скота туркменовъ. Западнѣе колодцевъ Тандерли, Узбой становится песчанымъ, бесплоднымъ и затѣмъ, пройдя между большими и малыми Балханскими горами, теряется въ обширныхъ солонцахъ, не дойдя до Балханскаго залива.

Въ юго-восточной оконечности Чинка (между заливами Кара-Бугазскимъ и Красноводскимъ) почти примыкаетъ значительный горный кряжъ *Балханъ*, имѣющій восточное направленіе и раздѣленный сухимъ русломъ Аму-Дарьи, Узбоемъ на двѣ неровныя части, называемыя *Большимъ Балханомъ* къ сторонѣ Каспійскаго моря и *Малымъ Балханомъ*, къ сторонѣ горнаго хребта *Кюренъ-дага*, имѣющихъ связь съ горами Персія: Хоросанскими и Эльбурзскими.

Горы *Балханскія*, при протяженіи въ длину около 200 верстѣ, имѣютъ весьма значительную ширину,

рѣдко превышающую 40 верстѣ. Горы эти состоятъ изъ крутыхъ скалистыхъ высотъ, изрѣзанныхъ ущельями. Высшая точка Большаго Балхана, вершина *Дирремъ-дагъ*, лежитъ на высотѣ слишкомъ, 5,000 футовъ. Высшія точки малаго Балхана достигаютъ высоты 2,500 футовъ. Балханскія горы пустынные и весьма трудно проходимы. По ущельямъ попадаетъ родниковая вода. Растительность очень скудна; травъ весьма мало, и то онѣ частью горьки на вкусъ. Встрѣчаются можжевельныя деревья, кусты черешни, барбарисы, смоквы. Можжевельныя деревья достигаютъ иногда 3—4 сажень высоты, при 1½ футахъ въ діаметрѣ. Горы состоятъ изъ раковистаго известняка и плитняка. Лучшимъ пунктомъ въ Балханскихъ горахъ для устройства укрѣпленія считается мѣстность *Ташъ-Арватъ-Калла*, лежащая въ глубинѣ горъ, въ 20 верстахъ отъ Красноводска. Пунктъ этотъ нѣкоторое время былъ занятъ нашими войсками, построившими тамъ укрѣпленіе, теперь оставленное. Важное мѣстное значеніе Ташъ-Арвата состоитъ въ томъ, что вода въ немъ имѣется не въ колодцахъ, какъ повсюду въ той мѣстности, а въ родникѣ, дающемъ начало небольшому ручью. Вода эта довольно хорошаго качества и въ количествѣ, достаточномъ для орошенія нѣсколькихъ десятинъ пашни. Въ пунктахъ по пути изъ Красноводска къ Ташъ-Арвату, вода соленая, горько-соленая, и частью съ запахомъ сѣрнистаго водорода.

На юго-востокъ отъ малыхъ Балханъ, не въ далекомъ отъ нихъ разстояніи, начинаются горы *Копетъ-дагъ*, или *Кюренъ-дагъ*. Горы эти тянутся въ юго-восточномъ направленіи и постепенно сближаются съ от-

рогами Эльбурзскаго хребта, горами Хоросанскими, которыя обогнувъ южный берегъ Каспійскаго моря, направляются тоже въ восточномъ направленіи. Между персидскими провинціями: Дерегезомъ и Кучаномъ, обѣ эти горныя системы сходятся, давая начало рѣкѣ *Атреку* съ его притоками, впадающими въ Каспійское море, и рѣкѣ *Дурунглару*, которая орошаетъ весь Дерегезъ и затѣмъ теряется въ степи. Высота горъ Кюренъ-дага опредѣлена только въ западныхъ его частяхъ, гдѣ она превосходитъ 2,300 ф. Къ рѣзко очерченной подошвѣ горъ Кюренъ-дага, стекаетъ съ сѣверныхъ скатовъ этого хребта множество небольшихъ рѣчекъ, которыя образуютъ у подошвы его не широкую, но длинную, до 250 верстъ, полосу земли, способную къ обработкѣ. Эта полоса составляетъ такъ называемый *Текинскій оазисъ*, въ которомъ расположены поселенія туркменъ—*Ахаль-теке*.

Послѣ пустынной, песчаной, или солонцовой туркменской степи поселеніе ахаль-текинцевъ представляются благодатною страной. Широкая полоса садовъ при селеніяхъ, или аулахъ, наполнена персиковыми, абрикосовыми, орѣховыми деревьями и виноградниками. Между садами тянутся обширныя пашни, дающія прекрасные урожан.

Текинскія поселенія тянутся отъ текинскаго укрѣпленія *Казиль-Арвата* къ персидской провинціи Дерегезу въ юго-восточномъ направленіи. А начиная отъ урочища Мана на Атрекѣ, до укрѣпленія Серахса, близъ афганской границы, въ восточномъ направленіи, идутъ, поселенія персидскія, постепенно сближаясь чрезъ это съ поселеніями туркменскими. Къ сѣверу отъ Дерегеза

поселенія туркменскія и персидскія почти сходятся, между тѣмъ какъ крайнія западныя поселенія туркменъ отдѣлены отъ персидскихъ разстояніемъ въ 200 верстъ.

Пространство между персидскими и туркменскими поселеніями, ограниченное р. Атрекомъ на югѣ, р. Сумбаромъ на западѣ, линіею текинскихъ поселеній на сѣверо-востокѣ, курдскими поселеніями на востокѣ, представляетъ изъ себя обширный треугольникъ, наполненный отрогами Кюренъ-дагскихъ и Эльбурзскихъ горъ, лишенный въ настоящее время всякихъ поселеній, хотя пространство это способно къ обработкѣ, по горамъ много пастбищъ, и долины весьма плодородны и отличаются прекраснымъ климатомъ. Многочисленные развалины указываютъ, что въ недавнее еще время эта мѣстность была населена. Разгромъ этотъ произвели туркмены-текинцы, которые, разрушивъ персидскія деревни, частью умертвили, частью забрали въ плѣнъ жителей ихъ—персіянъ. Истребивъ и изгнавъ персіянъ, текинцы сами не осѣли на отнятыхъ ими мѣстахъ, какъ по своей малочисленности, такъ изъ боязни въ свою очередь, нападенія со стороны персовъ, противъ коихъ, имъ трудно бы было защищаться на этой мѣстности.

Рѣка *Атрекъ*, о которой мы упоминали выше, беретъ начало въ персидской провинціи Кучанъ; городъ того же имени расположенъ на ея берегу. Отъ города Бучана, на протяженіи почти 280 верстъ, до впаденія съ правой стороны, у урочища Чать, р. Сумбара, Атрекъ течетъ въ западномъ направленіи, принимая нѣсколько притоковъ, изъ которыхъ значительнѣйшій *Сумбаръ*.

Отъ Чата до бывшаго укрѣпленія—Боятъ-аджи и да-

лѣе до переправы Чельте-Олуна, Атрекъ, на протяженіи около 80 верстъ, принимаетъ юго-западное направленіе и довольно глубоко врѣзывается въ отроги Кюренъ-дагскихъ горъ. На этомъ протяженіи Атрекъ глубоководъ, переправы существуютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но и на нихъ переправа на лошади возможна только въ низкую воду. Ширина рѣки отъ 6—10 сажень, берега безжизненны, лишены всякой растительности, кромѣ мелкаго гребенщика, и верблюжьей травы и бурьяна. Берега мѣстами представляютъ обрывы высотой отъ 5 до 15 сажень. Отъ Чата, въ рѣкѣ начинаютъ попадаться разныхъ породъ рыбы въ томъ числѣ сазанъ, судакъ, усачъ.

Почва на этомъ пространствѣ плодородная и при нѣсколькихъ весеннихъ дождяхъ допускаетъ даже въ настоящее время посѣвы пашень и бачкей безъ искусственнаго орошенія.

Въ этомъ районѣ находятся обширныя развалины огромнаго города Месторіана. Постройки этого города были возведены изъ жженого кирпича, которымъ туркмены пользуются и до настоящаго времени; между развалинами сохранилось нѣсколько минаретовъ.

Слѣды обширной рѣки и множество оросительныхъ каналовъ—все указываетъ, что нѣкогда эта мѣстность, пустынная въ настоящее время, кипѣла жизнью.

Отъ переправы Чельте-Олунъ, Атрекъ снова принимаетъ западное направленіе и пройдя около 60 верстъ, вливается нѣсколькими рукавами въ заливъ Гассанъ-Кули. Рѣка течетъ въ довольно низкихъ берегахъ, разливаясь въ нижнемъ теченіи на большое пространство и образуя два значительныхъ озера, соединенныхъ непре-

рывными, верстъ на 20, топиями и камышами. Изъ Атрека, въ этой части его теченія, проведено много оросительныхъ каналовъ, изъ коихъ весьма значительные каналы на правомъ берегу брошены; каналы же на лѣвомъ берегу и въ настоящее время разводятъ воду по пашнямъ. Вся мѣстность въ нижнемъ теченіи Атрека представляетъ превосходныя пахатныя земли и покосные луга. Переправа въ нижнемъ теченіи рѣки, не смотря на значительный расходъ воды по озерамъ, болотамъ, каналамъ, возможна тоже, только въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Растительность по рѣкѣ такая же, какъ и въ среднемъ ея теченіи, т. е. встрѣчаются гребенщикъ, верблюжья трава, бурьянъ; но кромѣ того много камыша.

Изъ животныхъ, много кабановъ, кулановъ (дикихъ лошадей), дикобразовъ, волковъ и шакаловъ. Дичи въ озерахъ, камышахъ, и плавняхъ много; гуси, утки, курочки, стрепеты носятъ тучами. Климатъ, въ этой болотистой мѣстности, нездоровый. Лѣтомъ, когда жары весьма сильны, здѣсь свирѣствуютъ лихорадки. На болотахъ ютится множество комаровъ и мухъ.

По самому берегу моря климатъ болѣе умѣренный и здоровый. Вода на всемъ протяженіи Атрека мутная, грязная; быстрота теченія не болѣе 3-хъ верстъ въ часъ. За исключеніемъ устьевъ, вода вездѣ совершенно прѣсная и здоровая. Въ самыхъ устьяхъ вода Атрека въ маловодіе, отъ сопряженія съ солончаковыми берегами, становится горько-соленою и ее не пьютъ даже лошади и верблюды. При половодьѣ, весною, вода не только въ устьяхъ Атрека, но даже въ самомъ заливѣ Гассанъ-Кулискомъ становится довольно

прѣсною. По Атреку ходятъ небольшія туркменскія лодки.

Главный притокъ Атрека—рѣка *Сумбаръ*, принимающая съ лѣвой стороны р. *Чандыръ*. Обѣ эти рѣчки служатъ для орошенія, при помощи каналовъ, туркменскихъ полей. Въ особенности сильно разбирается вода Чандыра для пашень туркменовъ—гоглановъ.

Вода въ Сумбарѣ мутная и повидимому не вполне здоровая для употребленія. Въ періодъ осеннихъ дождей, Сумбаръ переходима въ бродъ лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и то съ трудомъ.

Мѣстность къ югу отъ Атрека, къ р. Гюргену, и далѣе—къ рѣчкѣ Карасу, тоже населена туркменскими племенами.

Рѣка *Гюргенъ* течетъ параллельно Атреку верстахъ въ 40—60 отъ него. По всему протяженію этой рѣки, до 200 верстъ, она течетъ, въ довольно низменныхъ берегахъ. Ширина ея почти такая же, какъ и Атрека (5—6 сажень), но она не такъ глубока и черезъ нее имѣется много переправъ въ бродъ. По правому ея берегу, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, видны слѣды большой стѣны, изъ жженого кирпича, «*Кызылъ-Аланъ*», постройку коей приписываютъ Александру Македонскому. Верховья этой рѣки, верстахъ въ 150 отъ моря, лежатъ въ горной мѣстности, богатой лѣсами, чрезвычайно плодородной и довольно густо населенной туркменами—юмудами и гогланами, отдѣленными, одни отъ другихъ, рѣчкою Бараджа-су. По покатостямъ горъ растутъ гранатники, грецкій орѣхъ, виноградъ, смоква и шелковица. Пашни по Гюргену и верстахъ въ 10 къ сѣверу отъ него не имѣютъ оросительныхъ каналовъ, какъ на Атрекѣ; но,

благодаря обильнымъ атмосфернымъ осадкамъ, приносимымъ западными вѣтрами съ южной части Каспійскаго моря, даютъ прекрасные урожаи и безъ искусственнаго орошенія. Такъ, урожай пшеницы въ самъ 30 считается довольно обыкновеннымъ. Въ средней части пространства между Гюргеномъ и Атрекомъ изрыто глубокими оврагами, и, наконецъ, съ западной части представляетъ совершенную равнину. Какъ въ средней, такъ и въ западной частяхъ страны, пашни и аулы туркменъ (юмудовъ) занимаютъ полосы земли верстъ въ 10 шириною по берегамъ Атрека и сѣверному берегу Гюргена. Середина же между этими полосами, верстъ въ 20 шириною, представляетъ изъ себя пастбище для верблюдовъ, лошадей и овецъ, принадлежащихъ туркменамъ.

Наконецъ, еще южнѣе рѣки Гюргена, по границѣ Туркменіи съ Астрабадскою провинціею, течетъ р. *Карасу*—въ болотистой, заросшей камышемъ долинѣ и представляетъ общую длину теченія всего въ 60 верстъ.

Переходи къ очерку юго-восточной части Туркменіи, повторимъ, что общій характеръ этой части далеко не отличается такимъ относительнымъ разнообразіемъ какъ только что разсмотрѣнная западная часть Туркменіи.

На юго-востокъ отъ Узоя растилается песчаная пустыня на 600—700 верстъ длины, при 300 верстахъ ширины, покрытая мѣстами саксауломъ. Двѣ довольно значительныя рѣки: *Мурхабъ* и *Гери-рудъ*, берущія начало въ Паропамійскихъ горахъ, въ предѣлахъ Афганистана, прорѣзываютъ ее и теряются въ пескахъ.

Рѣка *Гери-рудъ*, около 400 верстъ, течетъ по афганскимъ предѣламъ. Дойдя до персидской границы,

Гери-рудъ направляется на сѣверъ, прорываетъ встрѣчныя горныя цѣпи близъ укрѣпленія Серахса, составляющаго главный, хотя слабый, оплотъ персовъ противъ хищничества мервскихъ туркменъ и выходитъ въ туркменскую степь. За Серахсомъ, Гери-рудъ принимаетъ названіе *Теджентъ-дарги*, течетъ близъ Келатскихъ горъ, а затѣмъ, на высотѣ *Аскибада*, одного изъ центровъ Ахалъ-Текинскаго оазиса, оканчивается въ болотахъ и озерахъ, образуемыхъ при весеннихъ разливахъ, не дойдя до Каспійскаго моря 500 верстъ.

Во время половодья черезъ рѣку Теджентъ никогда не бываетъ переправы; съ убылью воды, рѣка изсякаетъ и къ осени не доходитъ до образованныхъ ею весною озеръ. Вода въ рѣкѣ къ осени принимаетъ солоноватый вкусъ, а вода въ озерахъ становится вовсе негодна для питья. Туркмены добываютъ прѣсную воду, вырывая колодцы по высохшему руслу рѣки, при чемъ вода оказывается на самой незначительной глубинѣ.

Рѣка *Мурхабъ*, беря начало на сѣверныхъ склонахъ Парапомиза, течетъ въ направленіи параллельномъ р. Гери-руду и сближаясь съ нею до 180—200 верстъ. На этой рѣкѣ лежитъ *Мервъ*, представляющій довольно значительное воздѣланное пространство, орошенное каналами изъ рѣки Мурхаба. За Мервомъ, Мурхабъ теряется въ пескахъ, какъ и Теджентъ.

Кругомъ Мерва лежитъ пустыня, лучше крѣпостей прикрывающая хищныхъ мервскихъ туркменъ отъ справедливой кары, со стороны Афганистана, Персіи, Бухары и Хивы. Свойства этой пустыни различны. Пустыня растилающаяся на сѣверъ, сѣверо-западъ и востокъ, песчана, почти безводна. Небольшое число колодцевъ,

существующихъ по нѣсколькимъ путямъ къ Аму-Дарѣ, легко засыпать, а разстояніе между этими колодцами достигаетъ иногда сотни верстъ. Къ югу отъ Мерва пространство между рѣками Мурхабомъ и Гери-рудомъ носить слѣды когда-то существовавшихъ здѣсь поселеній. Пески разбросаны по этому пространству, между значительными участками глинистой почвы, годной для воздѣлыванія. Слѣды каналовъ, выведенныхъ изъ Мурхаба, и слѣды значительныхъ поселеній встрѣчаются весьма часто. Въ особенности замѣчателенъ каналъ *Каралъъ*, который подходитъ къ Тедженту на 60 верстъ.

Туркменская степь перерѣзана многочисленными караванными путями, соединяющими ханство Хивинское и Бухарское съ побережьемъ Каспійскаго моря, Персію и Афганистаномъ. На этихъ путяхъ, пролегающихъ на сотни верстъ по безводной пустыни, вырыты съ огромнымъ трудомъ колодцы, частью въ весьма отдаленное, частью въ новѣйшее время. Глубина этихъ колодцевъ иногда весьма значительна, особенно на Усть-Уртѣ, гдѣ достигаетъ 30 сажень. Колодцы, вырытые въ пескахъ, мелки и въ западной части Туркменской степи не превосходятъ одной сажени. Значительная часть туркменскихъ колодцевъ вырыта плѣнными персіянами, которые очень искусны въ этой работѣ.

Слѣды путей между колодцами обозначены верблюжьими тропами, которые часто на большія разстоянія заносятся пескомъ, почему, для слѣдованія по нимъ, необходимы опытные вожаки. Движеніе черезъ пески представляетъ большіе труды, но за то въ пескахъ чаще встрѣчаются колодцы; они, какъ уже сказано, мельче и съ лучшею, сравнительно, водою.

Вообще пути черезъ Туркменію бѣдны подножнымъ кормомъ, водою и топливомъ. Этимъ послѣднимъ служить скудныя степныя травы, кизякъ, рѣже гребенщикъ и саксаулъ.

По путямъ этимъ способны двигаться только верблюжьи караваны и войска преимущественно съ верблюжими обозами. Движеніе войскъ, вслѣдствіе недостатка воды, подножнаго корма и топлива, должно производиться малыми отрядами, не болѣе какъ по нѣскольکو сотъ человѣкъ въ каждомъ. Отрядъ сколько нибудь значительной силы приходится двигать по параллельнымъ путямъ, или по-эшелонно, въ двухъ или четырехъ переходахъ одинъ отъ другаго. Слѣдуя по путямъ мало извѣстнымъ, или на которыхъ грозитъ опасность отъ нападенія, первые эшелоны нашихъ войскъ, отойдя на 100—150 верстъ, останавливались на нѣсколько дней, устраивали самой незначительной профили укрѣпленія или, вѣрнѣе, окапывались валиками, очищали колодцы, собирали топливо. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, подобный пунктъ составлялъ этапъ, на которомъ оставался незначительный гарнизонъ, изъ подходившихъ войскъ. При обратномъ слѣдованіи, войска наши находили на этихъ этапахъ воду, топливо, продовольствіе и даже иногда бани. При движеніяхъ на нѣсколько сотъ верстъ и при необходимости везти при себѣ продовольствіе для людей, зерно для лошадей, боченки и бурдюки для воды, подстилочный войлокъ для людей, а зимою кибитки, или джаломейки, обозъ отряда долженъ рассчитываться *по одному верблуду на каждого человека.*

Свойства большей частью путей допускаютъ свобод-

ное движеніе колеснаго обоза, но обозъ этотъ при запряжкѣ его лошадьми повезетъ только фуражъ для самихъ обозныхъ лошадей, а на иныхъ путяхъ еще долженъ будетъ возить и воду для нихъ.

Движеніе по туркменскимъ путямъ конныхъ отрядовъ значительнаго состава весьма трудно, и для лошадей, непривычныхъ къ степи, жарѣ, недостатку фуража и воды, часто дурному ея качеству, мало возможно, хотя привычныя туркменскіе кони съ невѣроятною быстротою проходить пространства въ нѣсколько сотъ верстъ, по дорогамъ гдѣ колодцы отстоятъ одинъ отъ другаго часто болѣе чѣмъ на 50 — 70 верстъ.

Нѣкоторые изъ путей не только допускаютъ движеніе колеснаго обоза, но даже явилось предположеніе испытать для движенія по нимъ полевые паровозы.

Отъ Красноводска къ Мерву путь идетъ между большими и малыми Бааханскими горами къ Текинскому укрѣпленію, Кызыль-Арвату и затѣмъ по подножію Бюренъ-дага, черезъ весь Текинскій оазисъ. Къ этому пути выходитъ другой изъ Чегизляра, правымъ берегомъ Атрека, къ устью Сумбара, въ укрѣпленіе Чать, и затѣмъ вверхъ по Сумбару, тоже къ укрѣпленію Кызыль-Арвату, гдѣ онъ выходитъ на первый путь изъ Красноводска.

Дорогою по Сумбару можно выдти, кромѣ того, къ одному изъ пунктовъ Текинскаго оазиса, болѣе восточному, чѣмъ Кызыль-Арватъ, напримѣръ къ Беурмѣ.

Наконецъ пути моремъ, имѣющіе для насъ весьма значительную важность, соединяютъ города Гурьевъ, Астрахань, Петровскъ и Баку съ различными пунктами на восточномъ берегу Каспія: съ укрѣпленіями

Александровскимъ, Красноводскимъ, Михайловскимъ, Чегиншларомъ, морскою станціею Ашуръ-Аде и другими.

При большой водѣ доставка моремъ людей и тяжестей изъ Астрахани въ укрѣпленіе Александровское требуется не болѣе сутокъ; въ заливъ Балханскій—отъ двухъ съ половиною до трехъ; въ Ашуръ-Аде—до трехъ съ половиною. При сильныхъ западныхъ вѣтрахъ и туманахъ плаваніе замедляется. Изъ Петровска и Баку переѣздъ въ Александровскъ и Красноводскъ совершается въ однѣ сутки, даже на парусныхъ судахъ. Въ Баку мореплаваніе возможно круглый годъ.

Изъ Чегиншлара ведутъ двѣ дороги въ Чатъ: одна параллельна теченію Атрека, мѣстами верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ него; другая вдоль по Атреку.

Первая есть удобнѣйшая. Грунтъ этой дороги на всемъ пути твердый, глинистый, ровный; воды, топлива и фуража достаточно. По этому пути могутъ двигаться не только колесные обозы, но есть предположеніе, что движеніе возможно даже для полевыхъ паровозовъ. На первыхъ 80 верстахъ воду получаютъ изъ колодцевъ. Особенно хороша вода въ колодцахъ Караджа-Батырь. Наболѣе трудная часть пути приходится на первыя пять верстъ отъ Чегиншлара, гдѣ дорога идетъ песками. Отъ колодцевъ Караджа-Батырь дорога изъ восточнаго направленія принимаетъ сѣверо-восточное и выходитъ на р. Атрекъ на переправѣ Яглы-Олунъ. Далѣе дорога слѣдуетъ правымъ берегомъ Атрека черезъ переправу Текенджикъ, къ укрѣпленію Чатъ. Всего отъ Чегиншлара до Чата 140 верстъ.

Укрѣпленіе *Чатъ*, построенное при впаденіи въ р. Атрекъ р. Сумбара, можетъ вмѣщать гарнизонъ въ

нѣсколько баталіоновъ: оно довольно сильной профили и, кромѣ того, чрезвычайно защищено самою мѣстностью.

Вторая дорога изъ укрѣпленія Чегиншлара направляется къ югу, огибаетъ заливъ Гассанъ-Кулискій и въ урочищѣ Бевюнъ-Баши выходитъ на Атрекъ, которыми и слѣдуетъ до Чата. Этотъ второй путь тоже пролегаетъ по твердому грунту; песковъ на немъ нѣтъ. Вода въ изобиліи и прѣсная (р. Атрекъ); корму для скота и топлива достаточно.

Огибая по этому пути, Гассанъ-Кулискій заливъ, приходится на протяженіи пяти верстъ проходить черезъ солончаки, по коимъ, во время продолжительныхъ сильныхъ дождей и при разливахъ бываетъ грязно и топко. Остальной путь до укрѣпленія Чатъ пролегаетъ по ровному, большею частью гладкому, твердо глинистому грунту. Кормомъ для скота, кромѣ степныхъ травъ, часть года служить камышъ; топливомъ бурьянъ и значительныя заросли гребенщика.

Около переправы Яглы-Олунъ, обѣ указанныя дороги соединяются въ одну общую къ укрѣпленію Чатъ. По этой второй дорогѣ отъ Чигиншлара до Чата 160 верстъ, т. е. она длиннѣе первой на 20 верстъ.

Дорога изъ Чата по Сумбару впервые была пройдена въ сентябрѣ прошлаго 1879 года отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Ломакина.

Дорога отъ укрѣпленія Чатъ правымъ берегомъ рѣки Сумбара, къ переправѣ Харъ-Олунъ, (21 верста); далѣе, второй переходъ—къ переправѣ Шарль-Даунъ (Шариль-Даунъ) въ 22 верстахъ отъ первой. Въ 2½ верстахъ отъ этого послѣдняго пункта, на Сумбарѣ находится главная переправа Дузь-Олунъ.

Первые два перехода были сдѣланы нашими войсками безпрепятственно, но на переправѣ *Дузъ-Олунъ* пришлось разрабатывать, черезъ крутые и обрывистые берега Сумбара, дорогу и устраивать черезъ эту рѣку гать, а потомъ и мостъ для перехода на правый берегъ. Дорога затѣмъ слѣдуетъ, нѣсколько отступивъ отъ берега, до переправа Бекъ-Тепе (въ 186 верстахъ отъ Дузъ-Олунъ), гдѣ снова выходитъ на рѣку, слѣдуетъ берегомъ до переправы *Теръ-Саканъ* (30 верстъ отъ переправы Дузъ-Олунъ), снова переходитъ на правый берегъ рѣки и оставляетъ теченіе р. Сумбара, направляясь къ разрушенному укрѣпленію *Ходжамъ-Кала*. На пространствѣ между переправами Дузъ-Олунъ и Бекъ-Тепе отряду нашему пришлось переваливать черезъ первые значительные отроги Кюренъ-дага. Спускъ съ Бекъ-Тепе былъ особенно тяжелъ и крутъ, такъ что верблюды и выюки очень часто падали. Общая высота горъ, черезъ которыя пришлось переваливать, составляетъ 2,500 футовъ, причемъ черезъ двѣ наиболѣе значительныя горы пришлось разрабатывать дорогу, чтобы сдѣлать ее доступною для артиллеріи. Точно также пришлось разрабатывать и переправу у Теръ-Сакана.

Дальнѣйшее пространство отъ Теръ-Сакана до Текинскихъ предѣловъ, въ 44 версты, отрядъ прошелъ сначала равниной, перерѣзанной лишь небольшими оврагами; затѣмъ, переваливъ черезъ значительныя *Ходжамъ-Калинскія* горы, вступилъ въ равнину того-же названія, отдѣленную отъ Текинскихъ предѣловъ еще главнымъ Кюрендагскимъ хребтомъ.

Предѣльнымъ пунктомъ движенія отряда были Те-

кинская крѣпостца *Ходжамъ-Кала*, въ 40 верстахъ отъ Кызылъ-Арвата.

120 верстъ отъ Чата до Ходжамъ-Кала, послѣ сдѣланныхъ исправленій, представляютъ изъ себя довольно удобный путь, годный для движенія колеснаго обоза и обильный водою.

В. С—ъ.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ.)

РУССКІЙ РОБИНЗОНЪ.

Василій Кобринъ.

(Окончаніе *).

ГЛАВА XIII.

Василій на родинѣ.—Его женитьба.—Пятница тоскуетъ по родинѣ.—Отъѣздъ Пятницы.

Корабль, на которомъ плыли Василій и Пятница, по пути заходилъ въ различныя гавани, и только лѣтомъ 1669 года наши путешественники прибыли въ Лондонъ. Тотчасъ-же Василій отправился въ Юркъ. Сильно забилось его сердце при видѣ роднаго города. Живое представились ему его дѣтство и юношескіе годы. Казалось, недавно оставилъ онъ эти знакомыя мѣста. Вотъ передъ нимъ, старый родительскій домъ...

Здѣсь Василій узналъ, что отецъ и мать его давно умерли. Родные, обдѣливъ его наслѣдствомъ, забыли про него; и теперь, встрѣтили холодно и не дружес-

*) Начало было помѣщено въ предъидущихъ книжкахъ журнала «Чтеніе для Солдатъ» 1879 и 1880 года.

Текинецъ-Батырь.

802-17
2003

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГВАРДІИ ПОРУЧИКА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ четырехъ рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

болѣе подѣ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ атакующаго.

Итакъ, приведеніе въ окончательное бездѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, возможно большее ослабленіе артиллерійскаго огня обороняющагося и разстройство его резервовъ суть главные задачи артиллеріи атакующаго; остальное при атакѣ должна исполнить пѣхота ***).

«Считаю долгомъ замѣтить, что фронтальная атака позицій, усиленной окопами, составляетъ предпріятіе весьма трудное, которое, при настоящемъ вооруженіи пѣхоты, можетъ имѣть успѣхъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ и при умѣнши войскъ атаковать. Съ другой стороны, было бы большою ошибкою думать, что на войнѣ можно всячески избѣгать атаки съ фронта: военная исторія полна примѣрами подобныхъ атакъ, и, для успѣшнаго ихъ выполненія, необходимо посвятить изусточенію этого важнѣйшаго момента современнаго боя достаточное времени и вниманія, имѣя въ виду, при различныхъ обстоятельствахъ и мѣстности, всякій разъ выкраивать простѣйшій и удобнѣйшій способъ производства атаки.

«Обороняющійся имѣетъ слѣдующія выгоды передъ атакующимъ: а) онъ дѣйствуетъ на вполнѣ знакомой мѣстности и стоя на мѣстѣ; б) стрѣляетъ на опредѣленные, заблаговременно измѣренныя, дистанціи; в) представляетъ противнику весьма малую цѣль, будучи самъ прикрытъ окопами.

***) Для разстройства резервовъ на разстояніи версты за позиціей обороняющагося, необходимо употребленіе дистанціонныхъ трубокъ 12-ти секундныхъ, при которыхъ стрѣльба шрапнелью возможна на 1,500 сажень; стрѣльба же шрапнелью предпочитается въ этомъ случаѣ стрѣльбѣ гранатой, потому что только отъ шрапнели можно ожидать сильнаго и дѣйствительнаго пораженія.

«Для того, чтобъ, по возможности, уничтожить такія существенныя выгоды обороняющагося, атакующій обязанъ: а) подвигать свою цѣль съ поддержками и резервами, пользуясь всѣми складками мѣстности и другими закрытіями, чтобъ представлять, по возможности, меньшую цѣль; б) во время наступленія, съ разстоянія 800 шаговъ, развивать свой ружейный огонь настолько, чтобъ забросать пулями обороняющагося и поколебать его стойкость; в) при ударѣ въ атаку быть достаточно сильнымъ для того, чтобъ одержать надъ обороняющимся верхъ въ рукопашномъ бою и, наконецъ г) по овладѣніи позиціей, имѣть по близости свѣжія войска, для отбитія противника, въ случаѣ перехода его въ наступленіе».

ТУРКМЕНІЯ И ТУРКМЕНЫ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА II.

Населеніе Туркменіи.—Племена Туркменовъ.—Зависимость Туркменъ отъ соседнихъ владѣній.—Занятія Туркменъ.—Раздѣленіе ихъ на *Чоха* и *Чомуръ*.—Туркмены Юмуды.—Населеніе мерскаго оазиса и земли *Ахаль*.—Текинцы, ихъ нравы и обычаи.

Все пространство Туркменіи населяютъ до 1.000,000 туркменъ; къ нимъ примѣшиваются на сѣверѣ, въ Мангышлакскомъ полуостровѣ, киргизы, затѣмъ незначительное число персовъ и афганцевъ-плѣнниковъ и,

*) Начало было помѣщено въ 4-й книжкѣ журнала «Чтеніе для солдатъ» 1880 г.

кромя того, за послѣднія 10 лѣтъ, по побережью Каспійскаго моря и порѣкѣ Атреку, появились русскія укрѣпленія.

Всѣ туркмены родственны между собою по языку, религіи (магометане сунитскаго толка*), обычаямъ, вѣрованіямъ; какъ и киргизы, они дѣлятся на роды, роды дѣлятся на отдѣленія, а эти послѣднія на подро́ды.

Главные роды, на которые разбивается туркменское населеніе, суть: *теке, эрсари, юмуды, чодоры, эль-эли, сарыки, солоры, гокланы* и другіе.

По преданію всѣ они вышли изъ Мангышлака.

Каждый изъ этихъ родовъ занимаетъ довольно опредѣленный участокъ.

Большая часть туркменскихъ родовъ находится въ зависимости отъ владѣній, окружающихъ Туркменію: Бухары, Хивы, Персіи и частью отъ Россіи. Другіе роды сохранили полную независимость: и для нихъ сосѣднее владѣніе служить только мѣстомъ набѣговъ и грабежей.

Персія, напримѣръ, считаетъ въ своей зависимости туркменъ-юмудовъ и гоклановъ, но до сихъ поръ эта зависимость была только на словахъ и, какъ выражаются туркмены: «Ни одинъ персъ не можетъ войти въ земли туркменъ, иначе какъ на веревкѣ». Въ послѣднее время эта зависимость начинаетъ болѣе и болѣе крѣпнуть, благодаря близости русскихъ укрѣпленій.

Самый сильный туркменскій родъ, какъ по численности, такъ и по храбрости — *текинцы* не признаютъ ничьей власти.

Независимые туркмены не имѣютъ собственнаго организованнаго правительства. Личности, наиболѣе влія-

тельные по богатству, храбрости, считаются *аксакалами* и иногда даже принимаютъ титулъ *хановъ*. Но вліяніе аксакаловъ ничтожно; ихъ терпятъ, пока они. потакаютъ привычкамъ туркменъ къ набѣгамъ и грабежу.

Гораздо важнѣе власти хановъ и аксакаловъ туркмены считаютъ власть обычая (*деба*) и затѣмъ, и то не всегда, власть религіи. Къ туркменамъ, признавшимъ чье-либо подданство, надо относиться съ большою осторожностью и не довѣрять ихъ обѣщаніямъ покорности. Бухара, Хива, Персія и Афганистанъ всегда дорого платились, какъ только переставали принимать мѣры предосторожности даже противъ родовъ, не только изъяснявшихъ покорность и платившихъ подать, но даже выславшихъ заложниковъ. Долгое время текинцы признавали своимъ главою хана хивинскаго. Но это, впрочемъ, не мѣшало туркменамъ нѣсколько разъ брать Хиву и грабить ее. Со взятіемъ Хивы русскими, значеніе ея, какъ главнаго города Туркменіи, перешло къ Мерву.

Набѣгъ и грабежъ составляютъ любимѣйшее и наиболѣе почетное и выгодное занятіе туркменъ. Удачный набѣгъ даетъ туркмену добычу, плѣнныхъ, возможность нѣкоторое время ничего не дѣлать и, что не менѣе важно, славу и почетъ сородичей.

Туркмены при каждомъ убійствѣ и грабежѣ найдутъ себѣ законное оправданіе. Такъ, при ограбленіи и убійствѣ европейца — въ томъ, что онъ гяуръ; перса — въ томъ, что шіитъ; хивинца, бухарца и афганца — въ томъ, что у нихъ съ туркменами есть давніе кровавые счеты, и каждое убійство ихъ — отплата кровью за пролитую кровь.

*) Всѣ магометане раздѣляются на двѣ части; на суннитовъ и шіитовъ

Находясь въ постоянной враждѣ съ пограничнымъ населеніемъ сосѣднихъ владѣній, дикіе обитатели Туркмени, кромѣ того, ведутъ съ немальшимъ ожесточеніемъ кровавую распрю между собою.

Такъ, мервскіе туркмены въ войнѣ не только съ Хивой, Бухарой, Афганскимъ Туркестаномъ, Персією, но и съ большею частью туркменскихъ родовъ.

Туркмены, по образу жизни, раздѣляются на кочевыхъ и полуосѣдлыхъ. Первые занимаются скотоводствомъ и называются *чорва*; вторые — земледѣліемъ и называются *чолуръ*.

Занимающіеся земледѣліемъ составляютъ бѣднѣйшую часть населенія; надежда вернуться снова къ кочевой жизни не покидаетъ ихъ, и стоитъ земледѣльцу-туркмену раздобыться скотомъ, онъ обращается снова въ кочевника, какъ и наоборотъ — потерявшій стадо кочевникъ вынужденъ будетъ сдѣлаться осѣдлымъ. Пастухъ, живущій со стадъ своихъ, въ глазахъ туркменъ почетнѣе пахаря, живущаго произведеніями обрабатываемой имъ земли.

Земледѣлецъ привязанъ своими пашнями и домомъ къ мѣсту, долженъ много работать и почти не въ состояніи бѣжать отъ опасности самъ и спасти свое имущество. Кочевникъ свободенъ какъ птица; кочевье его рода часто тянется сотни верстъ. Въмѣсто дома, у него юрта или палатка, которыя можно разбить въ полчаса времени и перевезти на другое мѣсто на одномъ верблюдѣ.

Недостаточность кочевій въ Ахаль-текинскомъ оазисѣ и Мервѣ не позволяетъ всей массѣ населенія жить скотоводствомъ, требующимъ обширныхъ угодій и заста-

вила часть населенія обратиться къ земледѣлію. Вынужденный обрабатывать опредѣленный участокъ, туркмень старается на сколько возможно менѣе быть къ нему привязаннымъ. Онъ огораживаетъ свои пашни, проводитъ множество оросительныхъ каналовъ, разводитъ садъ, устраиваетъ даже крѣпостную стѣну, но не строитъ дома, а продолжаетъ жить въ юртѣ, разбивая ее на огороженномъ дворѣ. Снявъ жатву, обмоловивъ хлѣбъ и припрятавъ его въ глубокія, ему одному извѣстныя, ямы (погребя), туркмень на нѣкоторое время становится снова свободнымъ, можетъ удалиться отъ своего участка поля, пока суровая степная зима не загонитъ его снова въ загороженный дворъ, защищающій его со стадами отъ вѣтра и мятели.

Почти каждая кибитка осѣдлыхъ туркменъ имѣетъ родственную ей кибитку кочевниковъ. Часто, напримеръ, отецъ осѣдлый, а сыновья его кочевники; нѣсколько братьевъ осѣдлыхъ и нѣсколько кочевниковъ. Переходы изъ осѣдлыхъ въ кочевые и обратно весьма часты. Обѣднѣніе, ссора съ сосѣдами, женитьба на женщинѣ, у которой родственники кочевники, обращаетъ осѣдлаго — въ кочевника; смерть осѣдлыхъ родственниковъ, потеря верблюдовъ, женитьба на осѣдлой, дѣлаютъ часто кочевника — осѣдлымъ.

Изъ всѣхъ туркменскихъ родовъ ближе къ нашимъ владѣніямъ находятся туркмены-іомуды, раздѣляющіеся на атабаевцевъ и джафарбаевцевъ.

Часть іомудовъ живетъ въ предѣлахъ хивинскаго ханства, причемъ заливъ Айбугиръ, озера Сары-Камышъ, восточные склоны Усть-Урта и колодезь Игды служатъ крайними границами ея кочевья. Остальные іому-

ды живутъ въ мѣстностяхъ прикаспійскихъ, между р. Атрекомъ и Гюргеномъ и по Узбою.

Самые богатые и обильные посѣвы ихъ и пашни лежатъ полосой верстъ въ 8 — 10 ширины къ сѣверу отъ р. Гюргена вдоль праваго его берега. Такія же пашни, полосой верстъ въ 10—15 ширины, тянутся вдоль лѣваго берега р. Атрека къ югу отъ нея.

По правому берегу р. Атрека туркмены-іомуды пашень не имѣютъ изъ опасенія набѣговъ текинцевъ, съ которыми они въ постоянной враждѣ.

Переходя Атрекъ, іомуды должны находиться на постоянной стражѣ противъ текинцевъ и прикрываться сѣтью наблюдательныхъ постовъ, выставленныхъ къ сторонѣ ахаль-текинскаго оазиса. Кромѣ того, для прикрытія главныхъ своихъ кочевій, іомуды, какъ джафарбаевцы, такъ и атабаевцы, содержатъ конный отрядъ, готовый, по первому извѣстію изъ передовыхъ постовъ о появленіи текинцевъ, скакать къ нимъ на выручку.

Не смотря, однако, на всѣ принимаемыя іомудами мѣры, они ежегодно подвергаются нападеніямъ со стороны текинцевъ, несутъ потери плѣнными и отъ угона скота. Смѣлость текинцевъ въ послѣднее время дошла до того что въ декабрѣ 1878 года текинцы произвели нападенія на аулы іомудовъ чикишлярскій и гассанткулинскій, расположенные на берегу Каспійскаго моря, а въ апрѣлѣ 1879 года разграбили аулы туркменъ даже подъ укрѣпленіемъ Красноводскомъ, близъ колодцевъ Акча-Куи.

Однако, въ послѣдніе годы туркменамъ нанесено нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, положившихъ, до извѣст-

ной степени, предѣлъ ихъ хищничеству. Главнымъ ударомъ имъ было — взятіе Хивы, съ паденіемъ которой туркмены лишились своего главнаго рынка для сбыта своихъ плѣнниковъ.

Правительства Афганистана и Персіи учредили въ своихъ пограничныхъ мѣстностяхъ военную охрану, которая не разъ заставляла туркменскія шайки возвращаться восвояси не только безъ добычи, но даже съ значительными потерями.

Власть Бухары, Хивы и Персіи надъ нѣкоторыми туркменскими родами, стала понемногу крѣпнуть. Даже сохранившіе еще независимость туркмены-теке, начали сознавать, что не долго имъ быть самостоятельными. Наиболѣе мирные изъ нихъ, рѣшивъ, что добровольное подчиненіе выгоднѣе вынужденнаго, начали дѣлать сосѣдямъ предложенія о принятіи ихъ въ подданство то русскимъ мѣстнымъ властямъ, то хивинскому хану, то персидскимъ властямъ. Къ несчастію для нихъ, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, посланцы туркменъ, отправляясь съ мирными предложеніями, не могли поручиться за большинство текинскаго населенія, и часто въ то время, когда посланцы обѣщали миръ и спокойствіе и даже возвращали плѣнныхъ — ихъ сородичи грабили легковѣрныхъ, не принявшихъ обычныхъ мѣръ предосторожности.

Туркмены-теке раздѣляются на двѣ группы: *мервскихъ* и *ахаль-текинцевъ* *).

*) Свѣдѣнія о численности тѣхъ и другихъ весьма различны. По послѣднимъ свѣдѣніямъ (распроснымъ) въ мервскомъ оазисѣ считается 48,000 кибитокъ и въ ахаль-текинскомъ до 40,000.

Еще сто лѣтъ тому назадъ, мервскій оазисъ составлялъ цвѣтущую персидскую провинцію. Бухарскій эмиръ Маасумъ, въ 1784 году (въ самый годъ его восшествія на престолъ), двинулся противъ Мерва, заграждавшаго ему путь въ Хоросанъ, и послѣ трехъ лѣтъ упорной борьбы, взялъ городъ Мервъ, опустошивъ всѣ окрестности его, и переселилъ жителей въ Бухару. Въ 1794 году мервскій оазисъ занялъ туркменскій родъ сарыгъ, а въ 1834 году родъ этотъ былъ вытѣсненъ туркменами-теке, явившимися изъ ахаль-текинскаго оазиса.

Составляя средній пунктъ туркменской степи, Мервъ отрѣзанъ сотнями верстъ пустыни отъ владѣній хивинскихъ, бухарскихъ, афганскихъ и персидскихъ. Эти пустыни, защищая Мервъ со стороны поименованныхъ владѣній, въ тоже время не препятствуютъ мервскимъ туркменамъ, на ихъ неутомимыхъ коняхъ, производить набѣги, изумительные по быстротѣ, съ которою шайки ихъ проходятъ огромное разстояніе, неожиданно появляются и также быстро и въ разбродъ исчезаютъ, если встрѣтятъ сопротивление.

Обширный мервскій оазисъ орошается рѣкою *Мурхабомъ*, воды которой, по многочисленнымъ каналамъ съ плотинами, разводятся по окрестнымъ полямъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, свыше 200,000 человекъ обитаетъ въ Мервѣ. Въ оазисѣ разведены обширные сады. Пашни даютъ прекрасные урожаи, но населеніе живетъ въ кибиткахъ и ведетъ полуосѣдлую жизнь. Не смотря на все свое плодородіе, мервскій оазисъ становится недостаточнымъ для прокормленія всего его населенія, и въ послѣднее время мервскіе туркмены начинаютъ распространять свои поселенія и пашни по

Мурхабу и *Тедженту*. Въ очень недавнее еще время Бухара и Хива вели довольно значительную торговлю съ Мервомъ, но въ настоящее время торговля эта, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ въ Мервѣ, прекратилась. Бухара поддерживала торговые отношенія нѣсколько долѣе Хивы, обезпечивая цѣлость своихъ каравановъ почетными заложниками изъ мервскихъ туркменъ, которыхъ содержали въ Бухарѣ.

Туркмены — *ахаль-текинцы*, занимаютъ узкую полосу земли по подошвѣ Кюрендахскихъ горъ, длиною въ 250 и шириною до 20 верстъ. Ахаль-текинцы дѣлятся на два поколѣнія: *тахтамлышцевъ* и *утемлышцевъ*. Первыхъ, которые относительно болѣе мирные, считается втрое болѣе вторыхъ.

Поселенія или курганы туркменъ тянутся длиною цѣпью по оазису большею частью въ одну линію и только въ восточной части его въ двѣ линіи. Каждое поселеніе окружено болѣе или менѣе сильною глиняною стѣною, приспособленною къ оборонѣ ружейнымъ огнемъ и составляютъ укрѣпленіе. Главнѣйшія изъ нихъ, начиная съ запада, будутъ: *Кызылъ-Арватъ* (въ 1871 году разрушенъ русскими войсками), *Качъ-ата*, *Ба-ми-Беурма*, *Арчманъ*, *Кара*, *Ганъ*, *Карызъ*, *Янчи-Кала*, *Изганъ*, *Гокъ-Тепе*, *Аскябатъ*, *Гяуръ*. Близъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Беурмы, Карыза, Аскябата и Гяура, сосредоточено отъ 1,000 до 2,000 кибитокъ близъ каждаго. Около Гокъ-Тепе и ближайшихъ къ нему окрестностей расположено, по распроснымъ свѣдѣніямъ, до 15,000 кибитокъ.

Ахаль-текинцы, какъ и мервскіе туркмены, ведутъ

полусѣдлую жизнь; они имѣютъ пашни, сады, но живутъ въ кибиткахъ.

Не смотря на свой полукочевой, разбойничій характеръ, текинцы отличные земледѣльцы; они отлично пользуются искусственнымъ орошеніемъ; помощью цѣлой сѣти арыковъ (водопроводныхъ канавъ) они поднимаютъ воду рѣкъ на значительныя высоты, заливаютъ на время свои посѣвы и эти клочки разработанной земли вознаграждаютъ ихъ за трудъ сто-рицею. Урожаи текинскихъ полей весьма значительны: рисъ и пшеница часто даютъ *самъ пятьдесятъ* и даже болѣе; текинскіе дыни, арбузы и виноградъ славятся своею величиною и вкусомъ.

Зимовки текинцевъ и кибитки стоятъ въ оазисахъ, защищенныя отъ палящихъ лучей солнца вѣковыми, раскидистыми карачагами и тузовыми деревьями—здѣсь во всемъ видно довольство и избытокъ, а разбойничьи набѣги не составляютъ для нихъ необходимаго средства добыванія хлѣба; они служатъ лишь для поддержания воинственнаго духа и считаются занятіемъ благороднымъ, развивающимъ ловкость и удалъ. И теке, какъ и большинство кочевниковъ, управляются своими старшинами и родоначальниками, въ назначеніи же вождей въ военное время—у нихъ держится, какъ и въ нашемъ бывшемъ Запорожьѣ, выборное начало.

Теке—отличные скотоводы: они не заботятся только о численности приплода, они, кромѣ того, тщательно улучшаютъ и создаютъ породы животныхъ: туркменская лошадь давно уже считается лучшей лошадей въ Азіи. Рослая, красивая, съ своею маленькою кровною головою, съ тонкими ногами, она легко переноситъ сво-

его всадника черезъ мертвыя, песчаныя пространства; она вынослива и не требуетъ много корму и питья—необходимое условіе во время пути въ пустынь, гдѣ по нѣскольку дней можно не найти ни былинки, ни капли. Туркменскій аргамакъ не боится ни блеска оружія, ни грома выстрѣловъ; онъ съ молоду приученъ и къ тому и къ другому; туркменскій наѣздникъ любить, бережетъ и холитъ своего боевого товарища—лѣтомъ онъ покрываетъ его съ головы до ногъ легкими попонами, защищая этимъ отъ жары и докучливыхъ мухъ; зимою онъ кутаетъ коня въ ковры и войлоки, отчего шерсть лошадей дѣлается тонкою и блестящею. Особенно тщательно холитъ онъ лошадей своими любимыми мастей: золотисто-рыжей и вороной.

Узда и сѣдло туркмена блещутъ золотомъ, серебромъ, бирюзою и сердоликами, и часто обтрепанная, въ лохмотьяхъ одежда всадника составляетъ рѣзкую, странную противоположность съ убранствомъ лошади.

Туркменская овца—тоже считается лучше киргизской, хотя онѣ почти одной породы. Она меньше ростомъ, но мясо ея несравненно вкуснѣе; шерсть ея доставляетъ лучший матеріалъ для выдѣлки ковровъ и тканей.

Туркменскій верблюдъ—*наръ*, одnogорбый, высокій и сильный, цѣнится почти вдвое противъ двугорбого киргизскаго; несетъ полоторную тяжесть; когда киргизскій верблюдъ не проходитъ, даже по хорошей дорогѣ, подъ вьюкомъ, болѣе четырехъ верстъ въ часъ, наръ, подъ болѣшимъ вьюкомъ, идетъ шесть верстъ и болѣе.

Туркменъ человѣчнѣе киргиза относится къ своему «кораблю пустыни», онъ варварски не прорываетъ веревкою животному поздри; легкая уздечка, украшенная

кистями и погремужками и тонкій поводъ достаточны для того, чтобы это громадное животное покорно повиновалось даже рукѣ ребенка. Киргизы никогда не чистятъ верблюда и по мѣсяцамъ не снимаютъ съ его наболѣвшей, избитой спины тяжелого, неуклюжаго сѣдла. Туркмень относится къ верблюду также внимательно, какъ и къ своему коню.

Туркмены-мужчины не любятъ пестроты и яркости въ своей одеждѣ; они носятъ на головахъ громадные бараньи шапки, преимущественно чернаго цвѣта и только знатныя семьи обвиваютъ поверхъ шапки бѣлую ткань, а муллы или ученые носятъ на шапкахъ блѣдно-зеленую ткань. Одежда туркмена — это халатъ изъ буро-красной матеріи, съ черными тонкими полосками, мѣстнаго производства; только въ высокосторжественныхъ случаяхъ онъ надѣваетъ сверху еще такой же халатъ, но свѣтло-зеленаго цвѣта. Туркмень рѣдко разстается съ своимъ оружіемъ; холодное оружіе туркмена всегда превосходнаго качества и исправно содержится; оно состоитъ изъ ножа, иногда двухъ и кривой шапки въ кожаныхъ ножнахъ. Огнестрѣльное же оружіе туркмень — самаго первобытнаго вида; оно состоитъ изъ кремневыхъ долговольныхъ пистолетовъ и мултука (ружья) съ подсошками и фитильнымъ крючкомъ, мултука чрезвычайно трудно и медленно заряжаемаго, почему туркмень, сдѣлавъ разъ выстрѣлъ по врагу, предпочитаетъ тотчасъ же броситься на него съ кинжаломъ и шашкою. Въ послѣднее время текинцы получили черезъ Герать и Персію оружіе новѣйшихъ системъ и въ послѣднюю экспедицію въ Геокъ-Теле

противъ насъ гремятъ ружья усовершенствованныхъ системъ англійскихъ фабрикъ.

Въ мирное время, когда нѣтъ одного опредѣленнаго врага, когда никто изъ сосѣдей не вторгается въ ихъ предѣлы, туркменская молодежь время отъ времени предпринимаетъ легкіе набѣги на сосѣдей, преимущественно или на наши границы, или на персидскія. Тогда формирующаяся шайка выбираетъ себѣ вождя, составляетъ планъ кампаніи и трогается въ путь, сопровождаемая благими пожеланіями своихъ родныхъ и друзей. При возвращеніи съ набѣга, удаченъ онъ или неудаченъ, всегда собирается судъ старшинъ, и этотъ судъ уже распредѣляетъ добычу и разсматриваетъ всѣ обстоятельства дѣла:— виновникъ неудачи, если таковой есть, всегда будетъ наказанъ; особенно отличившіеся получаютъ должныя почести, а добыча дѣлится ровно между всѣми, но преимущество предъ другими имѣютъ раненые, искалѣченные, или же члены семьи убитаго—вознагражденіе послѣднихъ изъ добычи называется «куномъ»; размѣры этого «куна» бываютъ настолько значительны, что составляютъ всегда большую долю, вотъ почему набѣгъ всегда предпринимается обдуманно и осмотрительно; каждый въ дѣлѣ думаетъ не объ одномъ себѣ, но и о другихъ товарищахъ, взаимно выручая и поддерживая другъ друга. Самый большой позоръ для шайки—это оставить въ рукахъ непріятеля не только раненаго, но даже трупъ товарища.

Туркмены храбры до иступленія, особенно когда между ними уже есть убитые и раненые; сначала они очень осторожны, но едва завидѣли свою кровь, имъ уже терять нечего и большинство предпочитаетъ лучше лечь

въ полѣ, чѣмъ вернуться домой живымъ, опозореннымъ.

У туркменъ есть очень много народныхъ пѣсень про старое время, въ которыхъ воспѣваются подвиги ихъ предковъ; ихъ пѣсни передаются изъ рода въ родъ, вдохновенные пѣвцы по одиночкѣ и хоромъ бродятъ по селеньямъ и кочевьямъ, являются вездѣ, гдѣ только существуетъ какое нибудь сборище. Старые муллы, которыхъ уже отказываются носить ихъ одряхлѣвшія ноги, путешествуютъ на осликахъ, иногда осѣненные какимъ нибудь, непремѣнно чудодѣйствующимъ, знаменемъ; эти старцы располагаются на площадяхъ и начинаютъ нараспѣвъ свою проповѣдь. Они поютъ громкую славу героямъ прошедшаго и настоящаго, обѣщаютъ имъ, словами корана*) тѣмъ наслажденій тамъ, въ загробномъ мірѣ, и сыплютъ градъ проклятій на головы враговъ, невѣрныхъ.

Женщина туркменка очень охотно и сама берется за оружіе—обычай и сила необходимости присутствія дома, въ семьѣ, удерживаютъ ее отъ участія въ набѣгахъ, но за то если врагъ у дверей, онѣ также точно не удержимо рвутся въ ряды защитниковъ, цеголая передъ своими мужьями и братьями запальчивою храбростію.

Сухощавыя, стройныя, туркменки почти всегда высокаго роста, съ холоднымъ злымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ, съ тонкими сжатыми губами, съ рѣзкими порывистыми движеніями.

Обыденный костюмъ тегинокъ очень простъ и скромнень, онъ состоитъ изъ бѣлаго тюбана на головѣ, со-

*) Коранъ—священная книга магометанъ.

вершенно такъ же повязаннаго, какъ у киргизокъ, длинной синей рубахи и такого же халата, накинутаго небрежно на плечи; но за то праздничный нарядъ блещетъ своею яркостью и роскошью уборовъ... Золотой налобникъ, украшенный бирюзой, жемчужными подвѣсками, цвѣтными камнями и монетами, свѣшивается на самыя брови, оттѣняя черные глаза; длинныя серьги въ ушахъ доходятъ до плечъ; изъ-подъ платка покрывающаго голову, висятъ до колѣнъ черныя косы, унизанныя и обвитыя нитками бусъ и коралловъ; вся грудь покрыта рядами монетъ и ожерельями... На плечахъ у ней хорошій бешметъ изъ яркой шелковой матеріи, рукава кисейной рубахи широкими складками выбиваются изъ-подъ рукавовъ бешмета. Поверхъ всего костюма набрасывается темно-красный халатъ, вышитый серебромъ и золотыми блестками.

Туркменки занимаются выдѣлкою чудныхъ, несносимыхъ ковровъ, отличающихся рѣзко отъ такихъ же поддѣлокъ бухарскихъ и киргизскихъ, какъ своею прочностью, такъ и болѣе изящнымъ подборомъ красокъ и узоровъ. Кромѣ ковровъ, здѣсь выдѣлываются тонкіе войлоки и особый родъ матеріи изъ верблюжьей крученой шерсти, называемой «шіассъ».

Туркменская дѣвушка до замужества пользуется большою, почти полною свободою и независимостію, но разъ ее выбралъ мужъ, она становится неподкупно строга къ себѣ въ нравственномъ отношеніи, хотя бы и не раздѣляла чувствъ своего супруга.

Въ жилищѣ туркменки, какъ въ самой хозяйкѣ, все сурово, строго, чинно... Глинобитная сакля, высокая, просторная, устлана ковромъ или войлоками, въ даль-

немъ углу сложена въ порядкѣ груды ватныхъ одѣялъ и круглыхъ подушекъ-валиковъ, вдоль стѣны рядъ эктановъ (переметныхъ сундуковъ), гдѣ хранятся наряды и бѣлье; посреди сакли мѣсто для угольевъ, въ видѣ четырехугольнаго укрѣпленія, смазаннаго глиною или же выстланнаго плитнымъ степнымъ кирпичемъ; плоскій, круглый котелъ на таганѣ, два-три чугунныхъ или мѣдныхъ, чеканенныхъ кунгановъ (родъ высокихъ чайниковъ), нѣсколько точеныхъ деревянныхъ чашекъ и массивная, въ полъ-человѣческаго роста, деревянная долбленная ступа для растиранія джугары и проса — вотъ и вся утварь туркменскаго хозяйства.

На мужской половинѣ еще бѣднѣе и проще, — тамъ уже только оружіе, развѣшанное по стѣнамъ, украшаетъ эти шершавыя, грязно-сѣрыя, небѣленныя стѣны, гдѣ въ мелкихъ трещинахъ гнѣздятся скорпіоны и соколоножки.

Лѣтнія жилища туркменъ — легкія войлочные кибитки — убраны болѣе роскошно нежели сакли. Должно быть туркмену, какъ кочевнику, милѣе это жилище, чѣмъ сырая, темная, мрачная сакля, куда невольно загоняетъ его суровость зимняго времени. Войлоки, покрывающіе остова кибитки, испещрены нашитыми яркими цвѣтными узорами, широкія ковровыя тесьмы обвиваютъ какъ двойнымъ поясомъ стѣны кибитки, на перекрестокъ стелются черезъ всю ея полукруглую крышу. Надъ входомъ спущенъ особенный узорный коверъ, изнутри войлоки часто бываютъ подшиты полосами бухарскаго цвѣтнаго канаса и адрасса. Вокругъ такой хозяйской кибитки просторно разставляются другія кибитки, попроще, для второстепенныхъ членовъ семьи и

рабовъ. Весь станъ обнесенъ кругомъ глинобитною стѣною, изъ-за массъ густой зелени-плантацій выглядываютъ еще строенія, имѣющія видъ усѣченныхъ пирамидъ, гдѣ потолокъ на жердяхъ и подпорахъ раздѣляетъ постройки на два этажа: верхній предназначается для ссыпанія зерна, а нижній для скота... Вокругъ всего этого клочка нѣтъ земли необработанной, все сплошь маленькія плантаціи, окаймленные низенькими глинобитными стѣнками; а между ними вьется постоянно пересѣкающаяся, цѣлый лабиринтъ узкихъ пѣшеходныхъ тропинокъ и дорогъ, гдѣ при встрѣчѣ съ трудомъ развѣзжаются два всадника; за плантаціями опять чернѣютъ крыши кибитокъ, опять высоко поднимаются нагрѣтые солнцемъ амбары и опять зеленые поля... Такъ сплошь на нѣсколько десятковъ и болѣе верстъ, пока только есть вода, пока только желтый, сыпучій, горячій песокъ не подступаетъ вплоть къ границамъ орошеннаго оазиса....

В. С—ъ.

(Окончаніе будетъ въ слѣдующей книгѣ.)

Плѣнь у текинцевъ.

Въ настоящее время въ плѣну у текинцевъ находятся два нашихъ рядовыхъ: Петивъ — въ землѣ Ахалъ и Кидяевъ — въ Мервѣ. Петивъ взятъ въ числѣ шести чловѣкъ въ октябрѣ прошлаго года, въ окрестностяхъ Чатскаго укрѣпленія, а Кидяевъ въ концѣ 1873 года, на правомъ берегу Аму-дарьи, у Сардаба-куль.

Изъ числа бывшихъ плѣнныхъ, взятыхъ у Чата, въ

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СМЪЗВОЛЕНІЯ,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГВАРДІИ ШТАБСЪ-КАПИТАНА
А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

№№ 21, 22, 23 и 24.

Съ приложеніемъ четырехъ рисунковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ М. Д. К. У. ВЪЗНЕСЕНІИ 1880. КЪ ТРИДЦАТИ Т. ГЛАВЪ КНИЖКОВЪ

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ТУРКМЕНІА И ТУРКМЕНЫ.

(Окончаніе *).

ГЛАВА III.

Сношенія текинцевъ съ русскими.—Переговоры о принятіи текинцами русскаго подданства.—Вѣроломство текинцевъ.—Послѣднія военныя дѣйствія противъ нихъ.

Всѣ ахаль-текинцы дѣлятся на нѣсколько враждебныхъ одна другой партій, имѣющихъ во главѣ *хановъ* или старшинъ. Въ послѣдніе годы раздоры между ними часто доходили до кровавыхъ стычекъ, но приближеніе къ предѣламъ ахаль-текинцевъ, общаго, страшнаго для нихъ врага — русскихъ, вызвало въ туркменахъ стремленіе прекратить взаимныя распри, помириться съ іомудами, установить добрыя отношенія къ курдамъ и персамъ и, ради страха русскихъ, просить ихъ покровительства и даже принять русское подданство. Въ особенности ближайшія, къ занятымъ нами пунктамъ каспійскаго побережья, поселенія туркменъ-теке чувствовали страхъ къ русскимъ. Они уже видѣли русскія войска, которыя еще въ 1871 году разрушили одно изъ сильнѣйшихъ текинскихъ укрѣпленій Кызыль-Арватъ

въ наказаніе за нападеніе туркменъ-теке на Михайловскій постъ. Въ слѣдующемъ году новый отрядъ доходилъ до Беурмы. Хивинскій погромъ окончательно доказалъ туркменамъ невозможность борьбы съ русскими и способствовалъ образованію даже среди ахаль-текинцевъ значительной партіи, желавшей отдаться подъ покровительство Россіи.

Миролюбивыя партіи туркменъ дѣлали намъ нѣсколько разъ предложенія и просили покровительства Россіи, но партія, желавшая войны, каждый разъ, вслѣдъ за мирными предложеніями, или, еще чаще, во время самыхъ переговоровъ, производила набѣги, убійства и грабежи.

Въ 1874 году въ Ахаль-Теке, во главѣ мирной партіи, сталъ одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ ахаль-текинскихъ хановъ, Софи-ханъ, управлявшій ближайшими къ Красноводску текинскими укрѣпленіями и курганами. Софи-ханъ явился въ Красноводскъ съ заявленіемъ покорности и съ просьбою принять управленіе имъ туркменъ подъ покровительство Россіи. При представленіи своемъ начальнику Закаспійскаго отдѣла, генералъ-маіору Ломакину, ханъ, между прочимъ, сказалъ:

— «Нашимъ людямъ давно уже надоѣли постоянныя раздоры и неурядицы; безъ васъ у насъ не будетъ порядка; кромѣ того, для всѣхъ насъ крайне необходимо торговое караванное движеніе между Теке и Красноводскомъ; мы нуждаемся въ самыхъ первыхъ потребностяхъ; кромѣ пшеницы и барановъ, у насъ нѣтъ ничего, а до Хивы и Мерва далеко.»

Не успѣли переговоры съ Софи-ханомъ еще окончиться, какъ 9 ноября 1874 года изъ іомудскаго аула

* Начало было помѣщено въ 4-й книжкѣ журнала „Чтеніе для солдатъ“ 1880 г.

Дашлы-кабия, лежащаго всего въ 38 верстахъ отъ Красноводска, прискакалъ старшина его, Хали-Сардаръ, и объявилъ, что текинцы произвели нападеніе на аулъ, совершенно уничтожили его, перебили много мужчинъ, женщинъ и дѣтей, подвергнувъ нѣкоторыхъ звѣрскимъ истязаніямъ, захватили плѣнныхъ и все имущество, стада верблюдовъ и барановъ.

Нашъ отрядъ тотчасъ же двинулся противъ хищниковъ и успѣлъ ихъ отогнать отъ другихъ юмудскихъ ауловъ, на которые текинцы уже направлялись. Кромѣ того, часть ограбленнаго имущества была отбита обратно.

Юмуды, возмущенные этимъ нападеніемъ, приготовлялись отплатить текинцамъ. На русскихъ, за ихъ содѣйствіе, они стали смотрѣть какъ на своихъ союзниковъ; поэтому отрядъ нашъ, двинувшійся въ концѣ октябрю мѣсяца къ Атреку въ Чикишларъ и далѣе къ Баядъ-Аджи, всюду встрѣчаемъ былъ юмудами миролюбиво и радушно. Глава ихъ, Муса-ханъ, явился въ нашъ отрядъ съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ услугъ.

Тогда же начальникомъ Закаспійскаго отдѣла было сдѣлано текинцамъ предложеніе прекратить распри съ юмудами и возвратить этимъ послѣднимъ захваченныхъ у нихъ плѣнныхъ. Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ Софи-ханъ, при письмѣ, возвратилъ 30 плѣнныхъ юмудовъ.

Письмо Софи-хана, которымъ онъ благодарилъ генерала Ломакина за содѣйствіе къ усмирению его текинцевъ, оканчивалось слѣдующими словами: «Я долженъ доложить вамъ, что вообще текинскіе туркмены подобны стеновымъ птицамъ, для которыхъ постелью слу-

жить несокъ; искусству ловить ихъ, я не смѣю учить васъ: вы сами лучше меня это знаете».

15 января генералъ-маіоръ Ломакинъ, въ отвѣтъ на свое письмо, получилъ новое письмо отъ Софи-хана и Караджи-хана.

Ханы сообщали, что всѣ приказанія генерала будутъ исполнены, что всѣ его требованія переданы старшинамъ всѣхъ ахаль-текинскихъ ауловъ.

Дѣйствительно, въ Гокъ-Текѣ состоялся большой сборъ представителей, на который съѣхалось нѣсколько тысячъ туркменъ-теке. На этомъ собраніи большею частью населенія ахаль-текинскаго оазиса, именно тахтамышцами, были приняты весьма миролюбивыя относительно русскихъ постановленія, не смотря на сопротивленія утемышцевъ, которые не согласились подчиниться постановленіямъ народнаго собранія и объявили, что не желаютъ мира съ русскими, а въ случаѣ прихода ихъ, уйдутъ въ Мервъ. Представители Ахаль-Текѣ изъ 20 человекъ прибыли 19 февраля 1875 года въ Красноводскъ и заявили начальнику Закаспійскаго отдѣла, что всѣ текинцы, кромѣ небольшого числа безпоясныхъ и дурныхъ людей, изъявляютъ совершенную покорность и преданность русскому правительству и готовы подчиниться всѣмъ нашимъ требованіямъ.

1876 годъ начался при весьма миролюбивомъ настроеніи туркменъ-теке, но уже въ февралѣ мѣсяцѣ генералъ Ломакинъ получилъ свѣдѣнія о сношеніи текинцевъ съ ханомъ хивинскимъ, а вслѣдъ затѣмъ и о сношеніяхъ ихъ съ мервскими туркменами.

Сношенія свои съ Хивою текинцы объясняли тѣмъ, что они рѣшили слушаться хивинскаго хана, какъ

служу бѣлаго Царя. «Причемъ увѣдомляемъ», писали они, «что мы сто лѣтъ служили вѣрно хивинскимъ ханамъ. По взятіи же Хивы русскими, все тамъ перемѣнилось, и жители разбѣжались во все стороны, вслѣдствіе этого возникли вездѣ беспорядки.»

Гораздо опаснѣе для спокойствія Закаспійскаго края были сношенія ахаль-текинцевъ съ мервскими туркменами, которые, вслѣдствіе жалобы утѣмишцевъ, прислали въ Ахаль-Теке довольно сильный вооруженный отрядъ съ нѣсколькими ханами и старшинами во главѣ. Въ числѣ хановъ былъ братъ Каушанъ-хана, Худай-Верды-ханъ, личность весьма вліятельная въ Мервѣ. Они объявили ахаль-текинцамъ, чтобы тѣ не смѣли поддерживать сношеній съ народами, ихъ окружающими, т. е. съ юмудами, хивинцами, курдами, персіянами и въ особенности съ русскими; что, въ противномъ случаѣ, изъ Мерва въ Ахаль-Теке будетъ выслано большое войско, для истребленія и разоренія ихъ. При этомъ было объявлено, что текинцы не должны теперь бояться русскихъ, ибо они, мервскіе туркмены, имѣютъ сильную поддержку со стороны Герата и Афганистана, откуда имъ постоянно доставляется теперь отличное англійское оружіе.

Немедленно же въ Ахаль-Теке начались дѣятельныя военныя приготовленія и сборы, враждебныя намъ, но это настроеніе держалось недолго. Движеніе нашего резервоационнаго отряда охладило воинственные помыслы туркменъ.

Снова въ Гокъ-Тепе собрался совѣтъ, на которомъ рѣшили отдать плѣнныхъ, которыхъ требовали русскіе, и послать депутацію съ изъясненіемъ покорности и

преданности русскому правительству. Плѣнные юмуды были отосланы въ Красноводскъ, а 10 іюня, въ Игды, къ начальнику нашего отряда явилось нѣсколько ахаль-текинскихъ хановъ съ изъясненіемъ покорности.

21 іюня, на колодцахъ Арватъ, при обратномъ движеніи нашего отряда, къ туркменской депутаціи присоединились еще нѣсколько новыхъ хановъ съ Софи-ханомъ во главѣ. Съ ними прибыли торговцы съ коврами, паласами, мукою, масломъ, ячменемъ, фруктами и лошадьми. При отрядѣ открылся базаръ и въ первый же день было продано русскимъ на 1,500 руб. Это былъ первый случай нашихъ прямыхъ торговыхъ сношеній съ текинцами.

«Никогда еще въ здѣшнихъ степяхъ», доносилъ генералъ-маіоръ Ломанинъ, «не было такъ мирно и такъ спокойно, какъ теперь».

Еще приходу отряда въ кол. Джамала, явились изъ Ахаль-Теке избранные всѣмъ оазисомъ довѣренныя депутаты. Во главѣ ихъ находился старшій и самый главный кадій (назв) Мухамедъ-Али-кади. Депутаты подали начальнику отряда письмо отъ четырехъ главныхъ хановъ-правителей. Затѣмъ кадій, считающійся въ Теке и даже Мервѣ первымъ ученымъ, произнесъ слѣдующую, весьма важную по своему значенію, рѣчь:

— «Изъ окружающихъ насъ: Хивы, Бухары, Афганистана, Курдистана, Персіи и другихъ», говорилъ онъ, «каждое давно уже домогается присоединить наше маленькое общество къ своимъ владѣніямъ, но какъ имъ это не удается, то они насъ постоянно разоряютъ и грабятъ, мы отвѣчаемъ имъ тѣмъ же. Такъ сложилась наша жизнь за послѣднее время. Мы разсудили, что един-

ственное средство прекратить это тяжелое для насъ положеніе и избавиться отъ всѣхъ подобныхъ притязаній — это покориться великому русскому Агъ-падишаху, *) какъ сильнѣйшему и могущественнѣйшему изъ всѣхъ царей и просить его принять нашъ народъ подъ его высокое и милостивое покровительство. Мы всегда готовы будемъ служить ему вѣрой и правдой, и такъ какъ наши люди почти всѣ воины, то, въ случаѣ необходимости, по первому слову Агъ-падишаха, они охотно выставятъ нѣсколько тысячъ отличныхъ всадниковъ и съ радостью пойдутъ на войну, куда онъ укажетъ. Такъ пользовались не разъ службою текинцевъ Чингизъ-ханъ, Надиръ-шахъ и другіе, и текинцы, какъ сказано въ нашихъ книгахъ, всегда отлично имъ служили и всегда были впереди ихъ полчищъ.

«Болѣе ста лѣтъ тому назадъ предки хивинскихъ хановъ покорили текинцевъ, а какъ теперешній хивинскій ханъ, покорный и преданный слуга Агъ-падишаха, то и текинцы, желая быть отнынѣ вѣрными слугами великаго Агъ-падишаха, желаютъ оставаться въ прежнихъ подвластныхъ отношеніяхъ къ хивинскому хану.

«Отъ бывшихъ властителей текинскихъ земель (Чингизъ-хана, Надиръ-шаха и другихъ) текинцы имѣютъ нѣсколько жалованныхъ грамотъ, утверждающихъ ихъ личныя и поземельныя права; они просятъ теперь подтвержденія этихъ грамотъ и правъ русскимъ правительствомъ.

«Ахаль-текинцы обязываются отнынѣ прекратить

*) Бялону-Царю.

всякія враждебныя дѣйствія и отношенія съ іомудами, какъ съ за-атрексскими, такъ и хивинскими, проси не оставлять безъ наказанія тѣхъ іомудовъ, которые будутъ грабить и разорять ихъ торговые караваны, слѣдующіе изъ Хивы въ Брасноводскъ и на Атрекъ и обратно: они не только не будутъ грабить и трогать, но даже будутъ содѣйствовать и помогать этому караванному движенію. Они избрали изъ среды себя до 100 ферашей, которые обязаны слѣдить, чтобы не было грабежей; грабителей будутъ преслѣдовать и, по приказанію хановъ-правителей казнить. Такъ, за послѣднее время, уже казнили шестерыхъ разбойниковъ.

«Торговые люди, кто бы они ни были, могутъ прїѣзжать въ Теке и заниматься своими дѣлами, въ чемъ имъ никакого препятствія не будетъ, и они на свою безопасность, находясь въ Теке, могутъ вполне расчитывать. Съ своей стороны, и текинцы просятъ, чтобы ихъ торговые люди пользовались покровительствомъ и защитой вашей во время пребыванія ихъ въ Брасноводскѣ, на Атрекѣ, въ Баку и другихъ мѣстностяхъ.»

По окончаніи узбойской экспедиціи 1875 г. генералъ-маіоръ Ломакинъ послалъ въ Ахаль-Теке посланцевъ къ текинцамъ съ отвѣтными письмами. Въ Кызылъ-Арватѣ этимъ посланцамъ былъ оказанъ самый радушный приемъ. Но ѣхать далѣе они не рѣшились: въ восточномъ Ахаль-Теке снова начались междоусобицы между Нуръ-Верды-ханомъ и другими ханами-правителями. И Нуръ-Верды признанъ былъ ханомъ всего Ахаль-Теке.

Нуръ-Верды двинулся противъ своихъ противниковъ

съ 1,500 всадниками и дѣло дошло до кровавыхъ стычекъ.

Раздоры въ Ахаль-Текѣ вызвали попытки значительной партіи вмѣсто подданства Россіи искать подданства Хивы, а затѣмъ, когда эти попытки неудались, обратиться къ Персіи.

Неудача и этой попытки обратила туркменъ снова къ намъ.

9 декабря 1876 года въ Красноводскъ прибылъ изъ Ахаль-Теке посланецъ генерала Ломакина, Махъ-Магометовъ, черезъ котораго генералъ требовалъ отъ текинцевъ объясненія о причинахъ ихъ сношеній съ Персією. Онъ прибылъ въ сопровожденіи 45 текинскихъ хановъ и старшинъ, которые заявили, что всѣ послѣднія сношенія ихъ съ Персією имѣли въ виду одну только цѣль: возвращеніе ихъ плѣнныхъ, находившихся въ Персіи. Они заверяли въ своей преданности бѣлому Царю, звали русскихъ въ Текѣ. Наконецъ, они согласились на занятіе нами одного изъ пунктовъ въ оазисѣ, наприимѣръ, Кызылъ-Арвата.

Кромѣ заявленія на словахъ, посланцы вручили генералу Ломакину слѣдующее интересное письмо отъ ахаль-текинскихъ хановъ съ объясненіями ихъ сношеній съ Персією.

«Письмо вашего превосходительства, писали ханы, мы получили и, узнавъ изъ онаго, что вы здоровы, весьма тому обрадовались.

«Вы писали намъ, чтобы доставить вамъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходило послѣднее время въ Ахаль-Текѣ, вслѣдствіе чего и сообщаемъ вамъ слѣдующее:

«Ахаль-Текѣ состоитъ изъ 32 племенъ, и каждое изъ нихъ получило отъ Абдулъ-Гассанъ-хана по письму съ приглашеніемъ выслать къ нему на совѣщаніе почетныхъ старшинъ.

«По приглашенію этому собрались въ Бузменъ: изъ Кызылъ-Арвата—Худай-Верды-ханъ, изъ Бами—Тюръ-Коргуръ, изъ Беурмы—Оразъ-Мурадъ-сардаръ (Тыгма-сардаръ), изъ Арчмана—Нуръ-Мухамедъ-сардаръ, а также и всѣ старшины изъ прочихъ текинскихъ крѣпостей. Послѣ этого пріѣхалъ въ Гокъ-Тепѣ Нуръ-Верды-ханъ, по просьбѣ котораго всѣ приглашенные пріѣхали въ Паувризъ (курдская крѣпость). Тамъ Тюръ-Коргуръ, Оразъ-Мамедъ-ханъ и Курбатъ-Мурадъ-Иманъ начали уговаривать насъ принять подданство Персіи, но мы съ Нуръ-Верды-ханомъ отказались отъ этого и сказали, что этого никогда быть не можетъ; на сдѣланный же намъ вопросъ, почему? отвѣтили, что если Хива, существовавшая самостоятельно столько лѣтъ, должна была, наконецъ, вступить во владѣніе Акъ-падишаха, то и Ахаль-Текѣ, уже 111 лѣтъ подвластный хивинскимъ ханамъ, долженъ быть подчиненъ также Акъ-падишаху; что въ чьихъ рукахъ находится Хива, въ тѣхъ же рукахъ долженъ быть и Ахаль.

«Послѣ того, они начали упрашивать насъ, хотя ради нашихъ плѣнныхъ, находящихся въ Персіи, уладить это дѣло; на это мы и согласились.

«Донесимъ вашему превосходительству обо всемъ вышеизложенномъ вѣрно, и если кто-либо пришлетъ другое донесеніе, несогласное съ нашимъ, то просимъ не вѣрить».

Между тѣмъ значительной силы отрядъ нашъ высту-

пиль изъ Красноводска на Мула-Кари и Айдинъ, 7 мая занялъ текинское укрѣпленіе Кызыль-Арватъ. Составъ отряда былъ слѣдующій: девять ротъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, двѣ сотни милиціи, восемь орудій полевыхъ и четыре горныхъ, ракетная команда. Всего 1,820 человекъ съ обозомъ около 2,500 верблюдовъ. Еще на походѣ къ Кызыль-Арвату генераломъ Ломакинымъ были получены письма, отъ 20 апрѣля и 5 мая, отъ хановъ и старшинъ ближайшихъ ахалъ-текинскихъ укрѣпленій, въ которыхъ заявлялась полная покорность жителей и готовность служить русскимъ. 6 мая къ начальнику отряда явились лично ханы и старшины и повторили мирныя заявленія. Однако жители Кызыль-Арвата, съ приближеніемъ русскихъ войскъ, удалились за 30 верстъ отъ укрѣпленія, оставивъ на своихъ поляхъ однихъ караульщикова и зарывъ свои пожитки въ песокъ. Черезъ нѣсколько дней пребыванія отряда близъ Кызыль-Арвата, стали получаться тревожные слухи со стороны Гокъ-Тене. Въ отрядѣ доносили, что духовныя лица возбуждаютъ народъ противъ русскихъ, и что уже собираются значительныя партіи съ цѣлю напасть на русской отрядъ. Скоро слухи подтвердились. 12-го мая туркмены значительнымъ скопищемъ въ нѣсколько тысячъ человекъ обрушились на небольшой развѣствовочный казачій отрядъ нашъ, выступившій изъ лагеря и отошедшій отъ него на нѣсколько верстъ.

Возбужденные своими духовными лицами, изъ коихъ нѣкоторые вернулись недавно изъ Мекки и Константинополя, всѣ дальніе текинцы покаялись умереть или уничтожить нашъ небольшой отрядъ, и безъ боя, какъ того требуетъ коранъ, не отдавать намъ и клочка сво-

ей земли. Силою они заставили слѣдовать за собою и текинцевъ ближайшихъ крѣпостей, со всѣми ихъ ханами и старшинами.

Туркменами предводительствовалъ тотъ самый Нуръ-Верды-ханъ, который всегда считался главою русской партіи.

Планъ непріятеля заключался въ томъ, чтобы отогнать нашихъ верблюдовъ, разбить кавалерію и послѣ того, занявъ кызыль-арватское ущелье, отвести воду отъ лагеря и прервать сообщеніе отряда съ Красноводскомъ.

Туркмены съ остервенѣніемъ бросились на казаковъ, поддерживаемыхъ двумя ротами пѣхоты съ горною артиллеріею. Войска наши остановили первый натискъ, а съ прибытіемъ еще двухъ свѣжихъ ротъ, со взводомъ полевой артиллеріи, послѣ четырехъ часовъ боя, обратили текинцевъ въ бѣгство. Туркмены потеряли до 200 человекъ убитыми, изъ коихъ до 60 тѣлъ не подобрали съ поля сраженія. Наша потеря состояла изъ одного убитого и 11 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Непріятель бѣжалъ къ Беурмъ.

15 мая снова явились въ отрядъ ханы ближайшихъ кургановъ: Кызыль-Арвата, Коджа, Бами, Беурмы и др. и заявили слѣдующее: «Считайте наши крѣпости вашими; мы вамъ покорны и готовы подчиниться всѣмъ вашимъ распоряженіямъ».

19 мая жители Кызыль-Арвата возвратились на свои поля. 21 числа прибыло нѣсколько хановъ дальнихъ кургановъ и заявили тоже свою покорность.

Въ концѣ мая, вслѣдствіе истощенія взятыхъ съ собою продовольственныхъ запасовъ и начавшейся раз-

виваться въ отрядѣ болѣзненности, генералъ Ломакинъ оставилъ Кызыль-Арватъ и направился къ Красноводску.

Дѣло подъ Кызыль-Арватомъ 12 мая 1877 г. вполнѣ показало слабость туркменъ-текинцевъ и ихъ неспособность бороться даже противъ ничтожныхъ русскихъ силъ.

Въ 1878 г., вслѣдствіе продолжавшихся безпорядковъ въ степи и необезпеченнаго положенія подданныхъ намъ іомудовъ, русскія войска заняли линію рѣки Ат-река отъ устья до впаденія въ нее р. Сумбара у урочища Чатъ. Въ этомъ послѣднемъ и на берегу Каспійскаго моря, къ 7 октября 1878 г., окончены были постройкою два довольно сильныхъ укрѣпленія: *Чатъ* и *Чикишляръ*.

При движеніи отряда нашего въ срединѣ августа вверхъ по р. Сумбару, онъ доходилъ до развалинъ текинскаго укрѣпленія *Ходжамъ-кала*, гдѣ и оставался нѣкоторое время, въ продолженіи котораго въ отрядѣ являлись по-прежнему текинскіе ханы и изъявляли полную покорность. Однако, не смотря на эти завѣренія, отрядъ нашъ въ послѣдній день пребыванія его въ *Ходжамъ-кала* и при обратномъ слѣдованіи подвергался нѣсколько разъ нападеніямъ значительныхъ скопищъ туркменъ, силою до 1,000 человекъ; нападенія эти были легко отбиты съ ничтожною съ нашей стороны потерей.

Позднѣе, 7 и 19 октября, туркменскія шайки въ нѣсколько сотъ человекъ пытались отхватить нашихъ верблюдовъ, пасшихся около Чата. 24 декабря дерзость текинцевъ дошла до такой степени, что они рѣшились

произвести нападеніе на наше приморское Чикишлярское укрѣпленіе и на прилежащія къ нему аулы Чикишляръ и Гассанъ-Кули. Нападеніе было отбито но туркмены успѣли захватить часть скота преданныхъ намъ іомудовъ.

Принимая наше нежеланіе распространить предѣлы закаспійскаго военнаго отдѣла постояннымъ занятіемъ какого-либо пункта въ текинскомъ оазисѣ—за нашу слабость, туркмены становились все болѣе и болѣе дерзкими. Положеніе нашихъ подданныхъ туркменъ въ Закаспійскомъ краѣ сдѣлалось весьма тревожнымъ; вслѣдствіе постоянного опасенія нападенія туркменъ, торговое движеніе между побережьемъ Каспійскаго моря и Хивой прекратилось. Наконецъ, 7 апрѣля 1879 года, значительная партія туркменъ, 1,500 отборныхъ всадниковъ, появилась въ мѣстностяхъ близъ Красноводска, гдѣ около колодцевъ Акча-Куи, въ 56 верстахъ отъ Красноводска, захватила въ плѣнъ нѣсколько туркменскихъ женщинъ, тысячу барановъ и нѣсколько сотъ верблюдовъ.

Наши войска, въ составѣ двухъ ротъ и сотни милиціи, были двинуты форсированнымъ маршемъ изъ Красноводска на колодцы Бурнакъ (30 верстъ) и даѣе въ кол. Кабилъ, противъ текинцевъ и настигли ихъ недалеко отъ колодцевъ Бурнакъ. Послѣ довольно жаркой схватки, туркмены отступили и при преслѣдованіи у нихъ отбито обратно до 10,000 барановъ. Потеря туркменъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, весьма значительна. Наша потеря состояла: убитыми четыре нижнихъ чина, ранеными одинъ офицеръ, 12 нижнихъ чиновъ и три милиціонера.

Дѣло это хотя и произвело нѣкоторое впечатлѣніе на туркменъ, но нельзя надѣяться, чтобы оно отбило у нихъ охоту къ нападеніямъ, если противъ самаго гнѣзда ихъ не будутъ приняты болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя принимались до сихъ поръ. Сами туркмены говорятъ: *«Безполезно чистить колодезь сверху, когда на днѣ его лежитъ заражающая падаль»*, т. е. бесполезно обуздывать и наказывать за набѣги передовые роды, какъ за ними, стоитъ еще нѣкѣмъ не тронутая, грозная сила — Мервъ и многочисленное текинское племя.

О дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, двигающихся въ глубь страны текинской, читателямъ уже известно *). Военныя дѣйствія, приостановленныя съ наступленіемъ зимы прошлаго года, теперь, съ прибытіемъ генерала Скобелева, начались снова ***) и дай Богъ, чтобы герою турецкой войны удалось, наконецъ, добраться до *«дни колодезя»* и уничтожить навсегда *«заражающую падаль»*.

В. С.—ъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРИЗРАКЪ.

(Окончаніе *).

II.

Было десять часовъ утра. Передовыя войска польскаго арріергарда вплоть до самаго города оказывали намъ довольно слабое сопротивленіе. Графъ Толь (въ свитѣ коего имѣлъ честь находиться и я) съ занятого имъ пункта весьма удобно наблюдалъ, какъ русскія войска приближались къ Остроленкѣ.

— Поручикъ Пращевъ! обернулся онъ ко мнѣ: вы сейчасъ же возьмете пять человѣкъ гусаръ за вѣстовыхъ, и отправитесь къ мосту, тамъ присоединитесь къ войскамъ, которыя перебѣгутъ на ту сторону и, оставаясь съ ними до конца сраженія, будете присылать мнѣ чрезъ вашихъ гусаръ извѣщенія о ходѣ боя. Я преимущественно буду находиться здѣсь, при орудіяхъ. Поняли?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Ну, желаю успѣха. До свиданія.

*) См. журналъ „Чтеніе для Солдатъ“ сего года, № 1 стр. 69, № 2 стр. 113, № 3 стр. 132 и № 4 стр. 159.

**) См. журн. „Чтеніе для Солдатъ“ № 5, стр. 137.

*) Начало помѣщено въ предыдущей (5-й) книжкѣ журнала „Чтеніе для Солдатъ“.

802-17
2003

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГВАРДІИ ПОРУЧИКА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ четырехъ рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

немъ углу сложена въ порядкѣ груды ватныхъ одѣялъ и круглыхъ подушекъ-валиковъ, вдоль стѣны рядъ эктановъ (переметныхъ сундуковъ), гдѣ хранятся наряды и бѣлье; посреди сакли мѣсто для угольевъ, въ видѣ четырехугольнаго укрѣпленія, смазаннаго глиною или же выстланнаго плитнымъ степнымъ кирпичемъ; плоскій, круглый котелъ на таганѣ, два-три чугунныхъ или мѣдныхъ, чеканенныхъ кунгановъ (родъ высокихъ чайниковъ), нѣсколько точеныхъ деревянныхъ чашекъ и массивная, въ полъ-человѣческаго роста, деревянная долбленная ступа для растиранія джугары и проса — вотъ и вся утварь туркменскаго хозяйства.

На мужской половинѣ еще бѣднѣе и проще, — тамъ уже только оружіе, развѣшанное по стѣнамъ, украшаетъ эти шершавыя, грязно-сѣрыя, небѣленныя стѣны, гдѣ въ мелкихъ трещинахъ гнѣздятся скорпіоны и соколоножки.

Лѣтнія жилища туркменъ — легкія войлочные кибитки — убраны болѣе роскошно нежели сакли. Должно быть туркмену, какъ кочевнику, милѣе это жилище, чѣмъ сырая, темная, мрачная сакля, куда невольно загоняетъ его суровость зимняго времени. Войлоки, покрывающіе остова кибитки, испещрены нашитыми яркими цвѣтными узорами, широкія ковровыя тесьмы обвиваютъ какъ двойнымъ поясомъ стѣны кибитки, на перекрестокъ стелются черезъ всю ея полукруглую крышу. Надъ входомъ спущенъ особенный узорный коверъ, изнутри войлоки часто бываютъ подшиты полосами бухарскаго цвѣтнаго канаса и адрасса. Вокругъ такой хозяйской кибитки просторно разставляются другія кибитки, попроще, для второстепенныхъ членовъ семьи и

рабовъ. Весь станъ обнесенъ кругомъ глинобитною стѣною, изъ-за массъ густой зелени-плантацій выглядываютъ еще строенія, имѣющія видъ усѣченныхъ пирамидъ, гдѣ потолокъ на жердяхъ и подпорахъ раздѣляетъ постройки на два этажа: верхній предназначается для ссыпанія зерна, а нижній для скота... Вокругъ всего этого клочка нѣтъ земли необработанной, все сплошь маленькія плантаціи, окаймленные низенькими глинобитными стѣнками; а между ними вьется постоянно пересѣкаемая, цѣлый лабиринтъ узкихъ пѣшеходныхъ тропинокъ и дорогъ, гдѣ при встрѣчѣ съ трудомъ развѣзжаются два всадника; за плантаціями опять чернѣютъ крыши кибитокъ, опять высоко поднимаются нагрѣтые солнцемъ амбары и опять зеленые поля... Такъ сплошь на нѣсколько десятковъ и болѣе верстъ, пока только есть вода, пока только желтый, сыпучій, горячій песокъ не подступаетъ вплоть къ границамъ орошеннаго оазиса....

В. С—ъ.

(Окончаніе будетъ въ слѣдующей книгѣ.)

Плѣнь у текинцевъ.

Въ настоящее время въ плѣну у текинцевъ находятся два нашихъ рядовыхъ: Петивъ — въ землѣ Ахалъ и Кидяевъ — въ Мервѣ. Петивъ взятъ въ числѣ шести чловѣкъ въ октябрѣ прошлаго года, въ окрестностяхъ Чатскаго укрѣпленія, а Кидяевъ въ концѣ 1873 года, на правомъ берегу Аму-дарьи, у Сардаба-куль.

Изъ числа бывшихъ плѣнныхъ, взятыхъ у Чата, въ

настоящее время въ Чекишлярѣ находится одинъ канониръ Никита Цивашовъ. Вотъ что рассказываетъ онъ, какъ попалъ въ плѣнъ, какъ ему жилось у текинцевъ:

«7 октября 1878 года насъ пошло шесть человѣкъ за сборомъ сѣна: я, Цивашовъ, и канониры: Мягкій, Понтюшинъ, Зиминъ, Петинъ и Макаровъ. Мы отправились верстъ за 10 отъ лагеря безъ оружія, на трехъ верблюдахъ. Это было рано утромъ. Стали рвать траву. Въ это время изъ-за бугра выскочили пять конныхъ туркменъ, изъ которыхъ у двухъ были ружья, а у остальныхъ шашки и пистолеты. Завидѣвъ ихъ, мы бросились бѣжать врознь. Туркмены, вынувъ ружья и обнаживъ шашки, погнались за нами; скоро догнали насъ собрали всѣхъ въ кучу и знаками показали, что намъ слѣдуетъ идти въ горы. Мы не шли, а бѣжали; кто изъ насъ замедлялъ шаги, того били нагайками. Канониръ Макаровъ, будучи слабъ здоровьемъ, началъ приставать; тогда одинъ туркменъ съ коня хватилъ его шашкою сзади; голова Макарова отлетѣла. Этотъ самый туркменъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ мертваго сапоги и три раза пырнулъ его ножомъ въ бокъ. Насъ гнали бѣгомъ до самаго вечера (съ 9 час. утра), когда остановились у одной рѣчки на четверть часа напоить лошадей. Отсюда насъ опять гнали всю ночь, частью бѣгомъ, частью шагомъ; кто отставалъ, того били плетью. На разсвѣтѣ остановились на два часа у рѣчки. Туркмены испекли лепешки въ золѣ и немного покормили насъ. Послѣ этого опять погнали до 10 часовъ утра, когда мы пришли въ крѣпость Кара-Кала. Здѣсь большой аулъ. Смотрѣть насъ собралось множество народу: мужчины, женщины и дѣти. Насъ ругали, надъ нами

смѣялись, заставляя снимать пальто и мундиры, чтобы посмотреть наше нижнее бѣлье. Здѣсь мы простояли цѣлыя сутки: покормили самую малость лепешками. На слѣдующій день мы вышли рано утромъ, въ сопровожденіи тѣхъ людей, которые взяли насъ въ плѣнъ. Когда отошли съ версту отъ Кара-Кала, туркмены остановились, сняли съ насъ сапоги и верхнюю одежду, которую подѣлили между собою. Мы остались въ однихъ рубахахъ и нижнемъ бѣлѣ. Погода стояла теплая. Отсюда мы раздѣлились: меня и Петина два туркмена погнали влѣво, а Мягкого, Понтюшина и Зимина три туркмена погнали вправо. Съ тѣхъ поръ мы не видѣлись. Мы шли весь день; вечеромъ остановились на $\frac{1}{4}$ часа, потомъ шли весь вечеръ и всю ночь. Шли по горамъ, по каменистому грунту; ноги наши распухли и покрылись ранами, туркмены, видя такое наше состояніе, позволяли намъ часто останавливаться для отдыха и нагайками не подгоняли. Предъ разсвѣтомъ остановились на отдыхъ у пастуховъ; здѣсь испекли лепешекъ и покормили насъ немного. Когда разсвѣло, мы тронулись далѣе, и часовъ въ 9 утра пришли къ крѣпости, названіе которой запомнилъ, но знаю, что она находится въ одномъ переходѣ отъ Кизыль-Арвата. У крѣпости большой аулъ. Народу собралось около насъ какъ хмара, свѣту не видно. Стали насъ бить, толкать, бросали навозомъ въ глаза, плевали въ лицо. Такое надругательство продолжалось до самой ночи. Вечеромъ наши хозяева развели насъ по своимъ кибиткамъ. Моего хозяина звали Буль-Ильды, а хозяина Петина — Дурды-шейхъ. По приводѣ въ кибитку, меня заковали въ желѣзо, надѣли двое конскихъ путъ, всѣмъ фун-

товъ въ 15—20, потомъ покормили и положили спать въ кибиткѣ. Хозяинъ мой былъ очень бѣдный человѣкъ; у него одна жена и двое дѣтей: мальчикъ лѣтъ семи и дѣвочка лѣтъ пяти, мать старуха, одна лошадь, очень хорошая, и ни одного верблюда. Хозяину лѣтъ около 30-ти, а женѣ его лѣтъ 27; она очень некрасивая. Куль-Ильды даже не имѣлъ цѣльной кибитки, а только верхъ отъ нея. Хозяинъ Петина жилъ отъ меня очень близко; онъ тоже заковалъ своего плѣнника. Работа моя состояла въ томъ, что я долженъ былъ собирать колючку (топливо) и носить воду. Насъ одѣли въ равные халаты и дали шапки; но ходили мы босые. Жители аула въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль сходились смотрѣть на насъ, при этомъ толкали, плевались и проч.; потомъ привыкли къ намъ, перестали. Я могъ ходить по всему аулу и видѣлся съ Петинимъ каждый день. Намъ обрили головы. Однажды, въ кибитку къ моему хозяину пришло много народа и стали требовать, чтобы я перемѣнилъ свою вѣру на ихнюю, при этомъ мулла принесъ съ собою бритву, чтобы совершить обрѣзаніе. Я сказалъ: зарѣжьте меня, но вѣры не перемѣню. Нужно замѣтить, что еще 7-го октября, когда насъ взяли въ плѣнъ, мы всѣ дали заклятіе—крѣпко держаться своей вѣры. Послѣ моего отказа туркмены сильно меня били и хотѣли рѣзать, но хозяинъ ихъ остановилъ. Петину тоже предлагали бросить христіанскую вѣру, но онъ крѣпко стоялъ за нее. Туркмены не позволяли намъ открыто молиться и творить крестное знаменіе и мы молились про себя. Недѣли чрезъ двѣ по прибытіи въ крѣпость у меня зажили ноги; я ихъ каждый день обмывалъ водою и обвязывалъ

валъ тряпками. Кормили лепешками въ проголодь; разъ въ недѣлю давали пловъ съ бараньимъ саломъ.

«Командиръ мой, штабсъ-капитанъ Гаитиновъ, прислалъ мнѣ чрезъ одного туркмена письмо, листъ чистой бумаги и карандашъ. Въ письмѣ его сказано было, чтобы я не падалъ духомъ, надѣялся на Бога, что насъ выручатъ. Я послалъ ему отвѣтъ, что мы живы и здоровы, ходимъ босые, голодные и холодные и ждемъ не дождемся освобожденія. Письмо командира сильно меня ободрило; Петинъ тоже повеселѣлъ.

«Въ аулѣ у крѣпости мы прожили три мѣсяца. Затѣмъ аулъ началъ переселяться въ пески, гдѣ больше топлива. Хозяинъ Петина вышелъ въ пески днями пятью раньше моего хозяина. Переходъ отъ крѣпости до стоянки въ пескахъ верстъ 40. Во время пути мнѣ скрутили руки назадъ веревкой. Шелъ пѣшкомъ. Такъ какъ у хозяина не было своихъ верблюдовъ, то для перекочевки одинъ сосѣдъ далъ ему три верблюда.

«Въ ту ночь какъ мой хозяинъ пришелъ въ пески, Петинъ разбилъ свои путы и убѣжалъ предъ разсвѣтомъ. Весь аулъ поднялся на ноги; всѣ мужчины поскакали верхомъ искать его. Верстахъ въ 10 отъ аула Петина нашли подъ кустомъ въ ямѣ; схватили, стали бить, потомъ погнали въ аулъ, тамъ заковали въ трое путъ и замки заклепали на глухо. Хорошо еще, что Петинъ, убѣжавъ, понесъ собою въ торбѣ и кандалы, а не бросилъ ихъ въ пескахъ; иначе ему было бы плохо: его били бы до тѣхъ поръ, пока не нашелъ кандалы. Петинъ потому и взялъ ихъ съ собою: рассказывалъ мнѣ, убѣгу, хорошо; поймаютъ вмѣстѣ съ кандалами, будутъ меньше бить. Петинъ никакъ не могъ

украсть лошадь у своего хозяина для бѣгства, такъ какъ туркмены на ночь заковываютъ своихъ лошадей.

«Аулъ въ пескахъ расположился очень широко; кибитки стояли группами, по пяти-шести. Мѣста для кибитокъ выбирали въ ложинахъ между песчаными буграми. Кибитка хозяина Петина стояла отъ кибитки моего хозяина въ двухъ верстахъ. Въ пескахъ хозяинъ сталъ обращаться со мною ласково; часто говаривалъ: живи у насъ, прими нашу вѣру, нашъ богъ на небесахъ, а русскій богъ ямапъ, золотой или деревянный. На другой день послѣ поимки Петина я отпросился у своей хозяйки (хозяина не было дома) навѣстить его. Пробылъ у него часа три, утѣшалъ его въ несчастіи, совѣтовалъ надѣяться на помощь Божію. Во время стоянки въ пескахъ у меня была только одна работа: собирать топливо, такъ какъ вода отъ насъ была въ разстояніи версты 10. За водой ѣздили изъ аула чрезъ два дня; я ѣздилъ туда раза три. Кормили недостаточно: давали лепешку фунта въ 1½ на цѣлый день, изрѣдка пловъ.

«Въ пескахъ мы прожили мѣсяца два, какъ прошелъ слухъ, что насъ хотятъ выкупить; тутъ стали насъ лучше кормить. Слухъ сталъ сбываться. Приѣхалъ къ намъ въ аулъ Тыкма-Сардаръ и, должно быть, выкупилъ меня у хозяина, такъ какъ взялъ съ собою и привезъ въ свой аулъ, гдѣ былъ нашъ плѣнный канониръ Понтюшинъ. Въ аулѣ Тыкма-Сардара меня расковали, здѣсь я пробылъ дней около 20. Тыкма-Сардаръ сообщилъ мнѣ, что какъ только придетъ письмо изъ Чата, то меня тотчасъ же выпустятъ. У Сардара меня кормили хорошо: давали баранину, пловъ; верблюжье мо-

локо, всего въ волю. Работалъ мало; принесешь бывало дровъ и шабашъ, да раза два гонялъ верблюдовъ на водопой. Наконецъ, должно быть пришла записка, которую ожидалъ Тыкма-Сардаръ, потому что сынъ его Акберъ-ханъ повелъ насъ въ землю гоклановъ. Мы шли пѣшкомъ, босые, подъ снѣгомъ и дождемъ, много терпѣли отъ холода. У гоклановъ мы прожили 18 дней, въ ожиданіи того, пока Акберъ-ханъ ѣздитъ въ Чатъ и велъ тамъ переговоры съ нашимъ начальствомъ. На девятнадцатый день нашего пребыванія у гоклановъ отъ Акберъ-хана приѣхалъ туркменъ изъ Чата, посадилъ насъ на лошадей и повезъ на русскую землю. Съ этимъ туркменомъ штабсъ-капитанъ Гаитиновъ прислалъ намъ пальто, сапоги, рубашки, штаны, чаю и сахару. Мы ѣхали всю ночь; предъ свѣтомъ остановились на отдыхъ; потомъ поѣхали дальше и въ полдень прибыли въ одинъ туркменскій аулъ; здѣсь опять отдыхали, хорошо пообедали; опять тронулись въ путь, ѣхали до самаго вечера, отдохнули, выспались и на другой день утромъ, часовъ въ 9, прибыли въ Чатъ. Тутъ вышелъ намъ на встрѣчу весь лагерь. Сынъ Тыкма-Сардара также встрѣтилъ и повелъ насъ къ приставу Ягубову, которому и сдалъ насъ. Я былъ, какъ слѣдуетъ, въ формѣ; на Понтюшинѣ также была форменная одежда, за исключеніемъ шапки; я свою шапку сохранилъ въ теченіе шестимѣсячнаго плѣна. Мы прибыли въ Чатъ 15-го марта. Отсюда меня послали въ Красноводскъ, на правку. Въ Красноводскѣ я пробылъ до 15-го іюня и потомъ прибылъ въ Чекишляръ».

Затѣмъ, Цивашовъ добавилъ слѣдующее:

«Послѣвовъ въ Кара-Кала очень мало, съютъ только

около крѣпости пшеницу и джугару. Своего хлѣба недостаточно, а потому его покупаютъ въ Хивѣ и у голлановъ. Иные туркмены говорятъ, что съ приходомъ русскихъ будутъ драться, а другіе—что изыявлять покорность. Въ Кара-Кала было три плѣнныхъ персіянъ, содержащихся вѣчно въ цѣпяхъ. Въ аулѣ Тыма-Сардара было только двѣ плѣнныхъ женщины; изъ нихъ одна у Сардара, горбатая, служила въ качествѣ няньки. Женщины ходятъ безъ оковъ. Горбатая плѣнница постоянно приносила мнѣ пищу. Бывало принесетъ, сидеть рядомъ и потаенно толкуетъ, чтобы я надѣялся на Бога. Я нѣсколько разъ совѣтовалъ ей убѣжать; но она мнѣ отвѣчала, что не знаетъ куда бѣжать».

Что касается остальныхъ плѣнныхъ, взятыхъ 7-го октября, то судьба ихъ такова: Зиминъ счастливо убѣжалъ въ Чатъ, Мягкова освободили изъ плѣна вскорѣ послѣ Понтюшина и Цивашова и только одинъ Петинъ остался въ плѣну. Петина купила у Дурды-шейха одна богатая вдова, которой сынъ находится у насъ въ плѣну въ Вологдѣ, съ 1877 года. Она соглашается отпустить Петина только тогда, когда будетъ освобожденъ ея сынъ. Изъ освобожденныхъ плѣнныхъ только одинъ Цивашовъ принимаетъ участіе въ ахаль-текинской экспедиціи.

Цивашовъ, Мягковъ и Понтюшинъ Воронежской губерніи, а Петинъ и Зиминъ — Самарской. Петинъ во время войны былъ призванъ изъ запаса.

Канониръ Кидяевъ былъ взятъ въ плѣнъ текинцемъ изъ Мерва, Дангатаромъ. Есть свѣдѣніе, что онъ выдалъ себя за офицера, а потому Дангатаръ сталъ требовать за него выкупа 8.000 тумановъ (24.000 руб.). Такъ какъ выкупа за Кидяева никто не присылалъ, то

Дангатаръ, вымучивая его писать жалостныя письма, нѣсколько разъ обливалъ ему животъ кипяткомъ и клалъ на него раскаленные угли. Совершенно отчаяваясь получить за него когда нибудь выкупъ, Дангатаръ продалъ Кидяева текинцу изъ племени Бакши, Анна-Гельды, у котораго онъ находится и въ настоящее время.

Лѣтомъ прошлаго года, когда наши войска подходили къ текинскимъ землямъ, нашъ консулъ въ Астрабадѣ, г. Бакулинъ, находился въ Мешхедѣ. Кидяевъ узналъ объ этомъ и написалъ консулу письмо, въ которомъ умолялъ его выкупить. Бакулинъ отвѣчалъ ему, что выкупить его нельзя, такъ какъ выкупъ можетъ послужить большимъ соблазномъ для текинцевъ, которые, забирая нашихъ людей въ плѣнъ и получая за нихъ выкупъ, могутъ обратить это въ выгодный для себя промыселъ. Онъ совѣтовалъ ему когда наши войска подойдутъ къ Теке, чтобы онъ не зѣвалъ и уходилъ. Когда движеніе нашихъ войскъ было приостановлено, тогда г. Бакулинъ прибѣгнулъ къ слѣдующей мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что у персидскаго правительства всегда есть нѣсколько плѣнныхъ текинцевъ, которыхъ иногда вымѣниваютъ на плѣнныхъ персіянъ, а иногда просто рѣжутъ. Такъ, когда теперешній вали (намѣстникъ) Хорасана и Сеистана вступалъ въ свою должность, ему было преподнесено жертвоприношеніе изъ 20 текинцевъ, которыхъ въ его присутствіи подняли на штыки. Бакулинъ просилъ вали, если попадутся въ плѣнъ текинцы, то не предавать ихъ смерти, а выдать ихъ ему, консулу, дабы на нихъ онъ могъ обмѣнять Кидяева. Вали обѣщалъ. Независимо отъ этого, консулъ вошелъ въ сношеніе съ нѣкимъ Сафаръ-Али-бекомъ, персіяни-

номъ, который въ 1861 году былъ взятъ въ плѣнъ текинцами, выкупился, женился въ Мервѣ и теперь тамъ свободно торгуетъ, покупая товары въ Мешхедѣ. Сафаръ-Али-беку обѣщана была сумма въ 250 тумановъ, пожертвованная однимъ русскимъ; на эти деньги ему предоставлялось украсть, выкупить, однимъ словомъ достать Кидяева. Условленный срокъ, 20-го августа, когда Сафаръ-Али-бекъ долженъ былъ доставить Кидяева въ Мешхедъ прошелъ, но ни Сафаръ-Али-бекъ, ни Кидяевъ не являлись. Въ это время персиянамъ попались въ плѣнъ два текинца: по приказанію вали одного тотчасъ же зарѣзали, а другаго подарили Бакулину, который передалъ его на попеченіе нашему агенту Мешеди-Фетъ-Али. Чтобы онъ не бѣжалъ, Мешеди надѣлъ на него, какъ онъ называетъ, «кадалахъ»: это цѣлое бревно, аршина два длины и футъ въ діаметрѣ, привязанное къ ногамъ, которые туркменъ, вслѣдствіе того, насилу передвигаетъ. Онъ живетъ въ узбекскомъ каравансарай; кормятъ его въволю. Но Кидяева все таки не выпускаютъ.

По всей вѣроятности, Петину и Кидяеву недолго уже осталось томиться въ неволѣ.

(Русск. Инв.)

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОХОТА НА ТИГРА.

(Изъ разсказа А. Максимова).

Безсрочно-отпускной рядовой Перегоновъ считался лучшимъ охотникомъ во всей Приморской области *); нѣтъ въ Южно-Уссурийскомъ краѣ мѣста, которое онъ не исходилъ бы вдоль и поперекъ, которое бы небыло извѣстно ему, какъ свои пять пальцевъ. Никто не зналъ лучше его, гдѣ любятъ отдыхать косули, олени и кабарги, въ какихъ трущобахъ таятся кабаны и медвѣди, гдѣ можно наткнуться навѣрняка на многочисленные выводки фазановъ. Въ самую глухую тайгу Перегоновъ входилъ, какъ къ себѣ въ домъ, и выходилъ изъ нея, послѣ недѣльнаго иногда шатанія, такъ-же легко: не было случая, чтобы онъ когда нибудь заблудился. У него были свои примѣты, по которымъ онъ всегда находилъ то укромное, непосѣщаемое человѣкомъ, мѣсто, гдѣ таился тотъ или другой звѣрь. Въ извѣстныхъ пунктахъ были построены Перегоновымъ небольшіе шалаши, въ которыхъ обыкновенно онъ проводилъ ночь, если только она застигала его вблизи ночевокъ; въ

* На востокъ Сибири у Тихаго океана.

802-18
69

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го января 1892 года.

Редакторъ-издатель **А. А. Гейротъ.**

ТУРКМЕНСКАЯ ПѢСНЯ.

Ты видѣлъ, какъ мѣсяць дрожить,
Сверкая на влагѣ Атрека?
Но ярче булатъ мой блестить...
Булатъ мой—вѣрнѣй человѣка.

Подо мною быстрый конь:
Кинусь въ море, иль въ огонь,—
Конь мой вынесетъ меня
Изъ пучины и огня.

Не шутить-ли это шайтанъ?
Что въ сумракѣ вижу такое?
Ночуетъ-ли тамъ караванъ,
Иль движется войско большое?

Подо мною быстрый конь:
Кинусь въ море, иль въ огонь,—
Конь мой вынесетъ меня
Изъ пучины и огня.

Волнуется конь подо мной,
Ночною росой увлаженъ;
Отточень булатъ дорогой
И мѣлтукъ исправно заряженъ...

Подо мною быстрый конь:
Кинусь въ море, иль въ огонь,—
Конь мой вынесетъ меня
Изъ пучины и огня.

Я друга въ бѣдѣ не зову:
Ему своя ближе рубашка,
И голову съ чорта сорву,
Была-бы лишь острая шашка!

Подо мною быстрый конь:
Кинусь въ море, иль въ огонь,—
Конь мой вынесетъ меня
Изъ пучины и огня.

Гдѣ золота много везуть,
Все схваткой добудемъ кровавой;
А если гяуры тамъ ждутъ—
То гибель гяурамъ лукавымъ!

Подо мною быстрый конь:
Кинусь въ море, иль въ огонь,—
Конь мой вынесетъ меня
Изъ пучины и огня.

Не пользуйся тѣмъ, что тебѣ не принадлежитъ.

(Разсказъ.)

I.

въ городѣ С. жилъ бѣдный сапожникъ Максимъ Петровъ. Онъ занималъ небольшую комнатку у одной вдовы, жившей на самой окраинѣ города. Максимъ былъ малый работящій, не пьющій. Работалъ онъ исправно и у него были постоянно заказчики. Выработанные деньги онъ усердно копилъ, твердо рѣшившись перебраться на жительство въ Москву и

завести тамъ свою мастерскую. Для этого, онъ рассчиталъ, понадобится цѣлая тысяча рублей на первое обзаведеніе. «А тамъ,—разсуждалъ онъ,—Богъ поможетъ, да и добрые люди не оставятъ». И онъ усерднѣе прежняго принялся за работу. Разъ, какъ-то, онъ получилъ работу отъ одного помѣщика, усадьба котораго находилась верстахъ въ десяти отъ города. Добросовѣстно выполнивъ заказъ, онъ собрался отнести его самъ. День былъ праздничный. Погода стояла хорошая.